

ЮНОСТЬ

Михаил ДЫМОВ

«Открытая страна»

2
1977

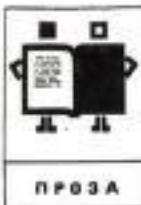

ЮНОСТЬ

«записки девятиклассника»

3
1977

ПРЕЗА

Михаил ДЫМОВ

Ранее печатал маленькие рассказы, это его первая повесть.

По профессии инженер. Работает на заводе. Живет в Риге.

ОТКРЫТАЯ СТРАНА

(Записки девятиклассника)

I

ПОВЕСТЬ

В нашем девятом классе только у Эдьки Карояна нет паспорта. Остальные двадцать четырех ученика уже спокойно ходят на заграничные фильмы. Мало того, что судьба обидела Эдика возрастом, она поскупилась еще и на его рост. Эдик обидчив и здорово переживает из-за своего недостатка. Зато он все восполняет прилежной учебой. Пятерок у него столько, что ими можно поднять успеваемость во всех школах нашего района. Мы его прозвали «Мальчиониш».

Мы прекрасно знаем, кем станем в жизни. Вернее, какая профессия нам по душе. Вообще-то, если осуществляются наши мечты, страна получит огромное пополнение. Казалось, на свете не останется ни одной интересной профессии — все разберет наш класс. Есть у нас врачи, математики и даже актер. Мальчиониш, например, следователь. Он и во сне с бандитами воюет. Очень много в нашем классе физиков. Среди них и кандидаты наук и доктора, а Колыка Рябушинский, пожалуй, и на академика потянет. По двум признакам он уже окончательно созрел для академика: по рассеянности и по влюблённости в физику. В день он может одну и ту же газету купить раз пять; уволочи домой вместо своего портфеля чужой — для него такой же пустяк, как прийти в школу без книг. Ни уроке у него с Гер Герычем вспыхивают умные споры, а недавно наш физик серьезно сказал:

— Рябушинский, вас следовало бы перевести в школу с физико-математическим уклоном. — Затем помолчал секунду и с улыбкой добавил: — На должность преподавателя!

Сеняка Блинова хочет стать боксером. Для этого у него есть все данные — от широких плеч до узкого лица с острым, словно нос ракеты, подбородком. Однажды мы даже подшучивали над ним:

— Сэм, ты мудро сделал, что выбрал именно бокс, — сказал ему кто-то из нас. — Тебя ждет розовое будущее.

— Почему?

— Своим подбородком ты запросто продырявишь любые перчатки противника, — заметил Мальчиониш.

Сэм никогда не обижается, а смеется вместе со всеми. Он много читает, ходит

Рисунки
В. КРАСНОВСКОГО

на концерты классической музыки, а в вопросах живописи служит нашим справочником.

Есть у нас и журналист, Вилька Морозов. Однажды он написал в газету заметку про наш класс. Мы ездили осенью в колхоз, и сей факт Вилька осветил с гениальностью Шекспира — в статье размером в две общие тетради. Статью в газете сократили, переписали и, сохранив неизменной только подпись автора, опубликовали. Биль скучил двадцать пять номеров и притащил в класс. Мы привыкли обсуждать, сколько за нее Биль получит.

— Правильно, — сказал с детской непосредственностью Мальчоныш. — Поскольку мы тоже имеем некоторое отношение к твоему роману, нам бы хотелось знать, сколько ты на нас заработаешь?

Биль, не задумываясь, небрежно бросил:

— Рубль двадцать — тридцать ставят!

Мы ахнули. За подобный диктант двадцать — тридцать рублей!

— Знаешь, Биль! — сказал Генка Дубровин, мечтавший стать дипломатом. — Мне видится, что ты нас должен угостить с гонорара.

Дипломата мы ценим за точные формулировки и часто его поддерживаем.

В один из дней десять человек отправились получать гонорар. Шли мы весело, обсуждая, на что истратим такую сумму. Мы остались внизу, а Биль исчез в подъезде, где находилась касса редакции и где дают за школьные сочинения по двадцать — тридцать рублей. Появился Биль минут через пятнадцать. Бледный и молчаливый.

— Ну, что? — спросил его, приподняв линкун-подбородок, Сэм.

Биль грустно махнул рукой и направился через дорогу.

— Я сейчас, парни, — бросил он нам.

Вскоре мы, десять человек, давились мороженым ческим. Да и то на десятую порцию, для самого Биля, десять копеек добавил Академик.

Из всех парней, пожалуй, только я один не выбрал профессию. Может, потому что не понял еще, чего хочу. Только запомнилось мне высказывание нашего Гер Герыча: «Профессию не выбирают, профессию строят, и желание должно быть ее центром, а разумность мечты — фундаментом».

Вообще-то надо признать честно, с учительями нам повезло. Опытные у нас педагоги. У многих солидный стаж. Просто приятно побеседовать с ними. Ирина Александровна, учительница литературы, без напряжения ума цитирует Цветаеву, Хлебникова, знает Камю.

И все же педагоги — люди разные. По характеру, по поведению, выдержанности. Есть учителя, настроение которых меняется каждый день. От холодного к горячему. Взять хотя бы математичку Анну Андреевну. В один день придет веселая, шутит, улыбается.

— Ребята, — говорит, — кто не выучил, честно признаетесь, вызывать не буду. Только потом чтоб дочути — я проверю.

В следующий раз придет мрачнее тучи. Суровая, на всех смотрит хмуро, твердит только одно:

— Распустились, весна в голове. Митрофанушки!

В этот день двойки летят в журнал, как шайбы в ворота противника, когда играет наша сборная. Мы здорово обижались за это на Анну Андреевну. Ну, кто так работает! Это же нервирует нас. Дипломат предложил:

— Как известно из евклидовой математики, самое короткое расстояние между двумя точками —

прямая. Вношу предложение сделать математике внушение. В тактичной форме, разумеется.

Мы поддержали его. Но Академик изрек:

— Причина! Причина — смена настроений. Нужно смотреть в корень.

Принимая во внимание профессиональные наклонности Мальчоныша, мы поручили ему расследовать причину. Через неделю он доложил:

— Лынгасин Петр Петрович. Ее муж Рост 1 метр 62 сантиметра. Глаза синие. Лысина с куриное яйцо; грудь — что колено петуха. Мастер на заводе «Сельхозтехники». Пьет...

Нам было немного жаль себя: на математику приходилось давить, будто каждый урок контрольная. Но еще больше нам было жаль Анну Андреевну. Грустно, наверное. Несколько лишними двойками облегчать душу.

Самый любимый наш учитель — физик Герман Германович. Вот это «Гомо сапиенс! Спокойный, всегда добрый, никогда от него не услышишь громкого слова. Кажется, нет предмета, которого он бы не знал. Запонки руки в карманы брюк, он ходит по классу и мягким голосом делится с нами новым материвом. Объясняет он так, что любой физический закон, над которым ученик бился десять лет, нам представляется языком, и вообще, мы бы, кажется, этот закон открыли за один вечер. Свои уроки Гер Герыч называет «Из клюва в клов». Когда раздается звонок на переменку, Гер Герыч тянет пальцем в центр оправы очков и неизменно заканчивает урок словами: «Спасибо за внимание».

По сведениям Мальчоныша, Гер Герычу 33 года. Кончил МГУ. Педагогического стажа 10 лет. Занимается альпинизмом и плаванием. Холост. Живет у мамы. Домашний телефон 71-43-55.

В нашем классе, конечно, есть и девушки.

Если смешать Софи Лорен, Клаудию Кардинале, Бриджит Бардо и Аллу Ларионову, то из этого концепта, может быть, получилась бы Жанна Соснина. Нет, правда.

Она честно отпускает всем ребятам равные порции приветливости, а сама, как говорят в Одессе, «положила глаз на меня». Я это точно знаю. Во-первых, она мне еще в седьмом классе прислала записку: «Давай дружить!» Записка была без подписи, но подружка, передававшая ее мне, раскололась раньше, чем я успел прочитать до конца. У женщин это бывает. В те годы я отвечал на подобные записи лаконично и по-мужски: «О дружбе я мог говорить до пятого класса. Теперь разговор или о любви, или о ненависти». Меня, конечно, интересует Жанна, но иногда полезно сделать вид, что тебе дама сердца безразлична. И обязательно, чтобы она видела твоё равнодушие. А еще лучше подкинуть немножко ревности — это женщин убивает.

И вот перед последним уроком я подошел к парте, где сидит Жанна, и, бросив на нее холодный взгляд, повернулся к Маринке Весениной и громко плянул:

— Маря, пойдем сегодня со мной в кабак?

Мне надо было, чтобы слышала Жанна, но, кажется, услышали многие.

— Я? — испуганно пропела Жанна и покрылась красными пятнами. — Ой, что ты!

— Значит, договорились? Часам к семи я кликну тебя по телефону!

Жанна растерянно опустилась на парту и скорее себе, чем мне, тихо сказала:

— Конечно!

Что она не откажется пойти, я знал. Не знал я только, что приглашу ее. Поверни я чуть иначе го-

лову, пригласил бы Ленку или Нинку Вернишеву. Мне, собственно говоря, было все равно. Но вот что я приглашу Маню — это уже шутка, которую разнесут по всей школе. Да Маня такая рыжая, что кажется, когда она появляется, в классе становится светлее. Глаза слегка прищурены, словно она что-то рассматривает на доске с последней партии. В классе ее не то что не слышно, но и не видно. Явившись, она встывает за парту и не выходит оттуда до конца занятий. Даже на перемене Манька не покидает своего острова. Учится она, правда, как зверь. На одни пятерки. Но что ей в жизни делать? Из таких получаются великие женщины.

Обычно после школы мы возвращаемся все вместе большой ватагой. По дороге шумим, словно сидели пять уроков с кляпами. Кто закуривает, кто просто дурачится: толкнет соседа, снежком запустит или выбросит портфель из рук. Меня эти детские шалости раздражают. В конце концов для игр есть школа, а на улице ты веди себя достойно.

На углу мы останавливались. Обычно зимой здесь долго не задерживались, а торопливо расстекались по своим улицам. Однако с тех пор, как солнце распахнуло пальто людям, и мы, высокая из школьников, первым делом запихиваем в портфели свои пыжики, — на углу торчим подолгу.

Все острили, стараясь перекричать друг друга. Темой для острот был, конечно, мой поход с Маней в кабак.

— Современный вариант «Собора Парижской Богоматери», — смеялся Биль. — Она Квазимода, он Эсмеральда!

— Ты напиши в газету, — парировал я. — Угостишь нас мороженым?

— А как она растерялась! — Мальчоныш смешно скривил рожу и, подражая Маньке, воскликнул: — «Ой, что ты! Конечно!»

Академик хмуро сказал:

— Ладно вам зубоскалить! В глаза скажите ей все это! Струсили!

Парни притихли. Я с интересом посмотрел на Академика. Огромные колеса очков прикрывали почти половину его лица. Пиджак висел на нем, как на вешалке.

— Предлагаю поручить Мальчонышу провести расследование, почему Академик так ее защищает! — Биль повернулся к нам и скривил ехидную рожу.

— Потому что мне противно, когда гогочут над физическими недостатками человека! Это может себе позволить только созревший идиот!

— Правильно! — подхватил Дипломат и, копируя Академика, сказал: — В корень надо смотреть. В корень!

— Хватит зам, парни! — воскликнул Сэм, обнимая Академика и Бilla. — Вы только взгляните, солнце как жарит!

— Люблю весну, — глубоко вздохнул Мальчоныш. — Потому что конец занятий в школе!

— Еще практика впереди!

— Месяц на заводе! — сказал Академик.

Мальчоныш поднял над головой кулак и громко крикнул:

— Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

— Очищение трудом! — усмехнулся Биль, извлекая солнечные очки и натягивая их на нос.

— Наш корреспондент побывал на заводе! — начал я голосом теледиктора. — И вот что он рассказал нам...

Биль откашлялся и бойко затараторил:

— Все гремят! Все стучат...

— Все грохочет, — завил Мальчоныш.

— Это девятый «б» с большим энтузиазмом... — подхватил Сэм.

— ...Срывает квартальный план нашего прославленного предприятия, — закончил Академик и бросил: — Ну, я пошел. Часо!

— Парни! — сказал Сэм, глядя вслед Академику. — Я новые пленки достал. Тренировки у меня сегодня нет. Послушаем вечером...

В коридоре на вешалке — пальто моего отца. Значит, он дома. Спит с ночной смены. Папаша у меня — старик в порядке. Мертв без работы. Он говорит, что у него эта болезнь с войны, с тех пор, как они на фронте танки плачали. Рассказывал: из двадцати четырех часов в сутки двадцать один работали, а оставшиеся три часа готовились к работе. Поэтому и сейчас, когда все добрые люди отдыхают, он горбится, а когда все работают, он отдыхает. Для него не существует субботы, воскресенья, утра, вечера, ночи. Он монтажник на заводе, самая жаркая пора начинается у них, когда завод стоит. Тогда можно и станки менять, и новые линии тянуть, и козловые краны править. А с тех пор как его назначили бригадиром, даже праздников для бригады не существует. Но ему и этого мало. Выспится после ночной смены, сходит на базар за продуктами, обед приготовит — и за дверь.

— Пойду мати встречу!

Вера на том же заводе работает. И сколько раз она возвращается с работы одна, заглядывает в спальню и спрашивает:

— А где отец?

— Так он тебя пошел встречать.

Часов в семь-восемь является отец.

— Ты где был? — напускается на него Вера.

Он хмыкает уже в дверях:

— Тебя искал, Верочка. По всему заводу. А по дороге заглянул в механический цех, мы там ночью новый сверлильный станок ставили. Надо же было посмотреть, как он работает.

И Вера вся в него. Она садовод. Производит нематериальные ценности. Цветочки для рабочих выраживает. Бывает, придет вечером вся в слезах.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Розочки не привились. Столько за ними ухаживаю!

— Перестань плакать, я тебе куплю розы, — успокаиваю я ее.

Плакать она перестает, но только затем, чтобы выскажать мне, какой у нее глупый сын, нет в нем любви ни к людям, ни к природе, и что он плохо учится, поздно возвращается домой, кроме джаза и гитары, ничего в голове у него нету и т. д. и т. п. Ну, как с ней себя держать после этого?

Я прошел в свою комнату, включил магнитофон и прыгнул на диван. И тут вспомнил, что вечером должен идти с Манькой в кабак. Настроение испортилось. «Дубовый шкаф! Кретин! — ругал я себя. — Нашел кого пригласить. С ней же стыдно появиться на улице. Тем более в кабаке. А завтра парни замучают ехидными вопросами: «О чём молчали? Танцевали? Как целуются?»

Вскочив, я с раздражением выключил магнитофон. Она, наверное, и не мечтала о таком презенте. Небось, всем подружкам расстреляла. А тут сиди и проклиниай себя!

Я быстро оделся и двинул к Сэму. Там сегодня парни собираются слушать новые записи. А Манька должна понять, что я пошутил. С нее хватит и того, что ей просто было сделано приглашение.

Утром, когда я вошел в класс, народу было еще не много. Я бросил с порога «Чао!» и подошел к парням. У окна весело смеялись Жанна с Никой Вернисажевой. Я вспомнил о Мане, о том, что надо будет как-то объяснить ей, почему обманул, не позвонил вчера вечером.

И тут увидел Маню. Как обычно, она вошла неслышно и сейчас тихо сидела за партой. Пока Жанна не вернулась на место и не слышала нашего разговора, я поспешил к ней. Маня словно почувствовала, что я приближаюсь, отодвинула книгу и чуть напряженно откинулась. Почему-то мне стало неловко. Оправдываться всегда неприятно, а если ты хоть немножко виноват, любое объяснение кажется раболепием. Чтобы скрыть смущение, я набрежно, с улыбкой опустился на переднюю парту:

— Синьора сердится?

— За что? — Голос ее был спокоен.

— Ну, так я же... там... трепался пойти с тобой... позвонить должен был...

Она покачала плечами.

— Ну и что? Твое дело.

— Да ладно. Понимаешь, никак не мог вчера.

— Почему?

— Муттер впряженная. Использовала дома как рабочую силу.

Она насмешливо подняла на меня глаза:

— А что ты дома умеешь делать?

— Кто, я? — воскликнул я гордо. — Да если хочешь знать, я все полы вымыл. Ковры выбил. А окна стал мыть — чуть не вывалился!

В класс вошла учительница по литературе Ирина Александровна. Мы брызнули по местам. Проходя к столу, она празднично улыбнулась.

— Садитесь, садитесь!

Ирина Александровна сегодня одета — закачаешься. Она всегда хорошо одевается, со вкусом. Но сегодня особенно. На ней наш любимый английский костюм, Зеленый. Она в нем какая-то уверенная и солнечная.

Когда Ирина Александровна пришла в чистый раз, Биль не выдержал и восторженно, на весь класс лягнул:

— В порядке костюмчик!

Все засмеялись. Ирина Александровна, чуть покраснев, тоже.

— Нравится вам? — спросила она.

Мы заревели от восторга и от возможности зареветь. Учительница зажала ладонями уши. А когда мы угомонились, сказала:

— Ну что ж, спасибо за комплимент. Я очень рада, что он вам нравится. Только меня огорчает одно, Вениамин. Несколько мне известно, ты хочешь быть журналистом. И мне грустно, когда будущий журналист изъясняется на таком непонятном языке: «В порядке костюмчик». Что это? В каком смысле в порядке? И почему костюмчик, а не костюм? Я понимаю — жаргон. Сейчас в вашей речи то и дело услышали вместо «хорошо» — «в порядке», вместо «понимаешь» — «хорошо», а вместо «говорить» — «воздыхать». Конечно, будем надеяться, что со временем это у вас пройдет. Ну, а вдруг — нет? — Ирина Александровна помолчала, затем улыбнулась и весело спросила: — Ну что, в порядке мои слова? Усекли? Или я напрасно возникла?

Мы откликнулись плотным, единодушным ударом смеха.

...Сейчас Ирина Александровна заполнила журнал и, отложив ручку, подняла на нас глаза.

— Ну что, ребятушки, вот и все! Сегодня последний наш урок. Потом будем усиленно отдыхать друг от друга!

— Долго отдыхать! — весело подсказал Сэм.

— Вот именно. С оценками у вас, слава богу, все благополучно, так что давайте сегодня просто поговорим...

Я плохо слушал Ирину Александровну. На душе было мутно. Даже толком не пойму, отчего. Ну, неужели Маня не чувствует, что пригласил я ее случайно, можно сказать, бессознательно. Зачем ей нужно допрашивать меня? Заставить лгать, сочинять про ковры и пол. Глупая, неужели она могла на что-то надеяться. Каждый сверчок знал свой шесток. Я взглянул на Маньну. Ее острые плечи двумя башенками возвышались над партой, волосы, собранные в хвост, безжизненно свисали на спине, и тут я неожиданно уловил, в чем дело. Просто я сыграл довольно смешную шутку.

— Мне хочется, ребята, обратить ваше внимание на одно явление, — говорила Ирина Александровна. — Сейчас наш кинематограф очень часто обращается к оригинальной классической литературе. Экранизируются произведения Тургенева, Толстого, Чехова и других великих писателей. Это, конечно, прекрасно. Но случается, что некоторые ребята посмотрят фильм и думают, что этого с них хватит. Имеют общее представление о сюжете — и ладно. У кого подведен хорошо язык, может даже обмануть учителя, получить четверку или пятерку. Может свободно говорить с товарищем о книге, как о прочитанном произведении. Можно. Все можно. Но только эти люди упускают из виду одно: они обманывают не других. Они себя грабят. Летом, ребята, когда у вас будет достаточно свободного времени, читайте. Не стесняйтесь читать «Евгения Онегина» или «Капитансскую дочку», «Войну и мир», рассказы Чехова. Да, да, именно не стесняйтесь. Встречаются еще среди вас друзья, которые неделями носят на людях Хемингуэя или еще какого-нибудь современного писателя — боже упаси, я не против них, — а вот томик стихов Пушкина не раскроют в троллейбусе. Потому что им стыдно!

Вторым уроком была математика. И хоть выставлены в журнал отметки за четверть, но кто его знает, в каком настроении явится Анна Андреевна. Чем угодил ее муж дома. Поэтому и перемена прошла немножко напряженно и нервно. Как перед контрольной.

Манька что-то усиленно писала, прикрывая свободной рукой лист.

Раздался звонок на урок. Мы мгновенно притихли. В класс вошла Анна Андреевна. Одета она, как обычно: потертая красная кофточка и серая юбка.

— Пожалуйста, не думайте, что если наступили последние дни занятий, то можно вести себя как угодно. Ошибаетесь. Садитесь, — сказала она строго.

Значит, муж ее вернулся домой пьяный-распьяный. Анна Андреевна долго смотрела в журнал, что-то сосредоточенно обдумывая; бросила на нас резкий взгляд, затем коротко вздохнула и закусила нижнюю губу. Мы не дышали. Вдруг она поднялась и неестественно бодрым голосом заговорила:

— Ну что ж, вот и каникулы. Назерное, многие из вас уже наметили, как пройдет лето. А есть ли среди вас те, кто пойдет в поход? Туристом?

Видно, Анна Андреевна решила нас сегодня пощадить. Не портить нам настроение.

Кто-то облегченно вздохнул, заулыбался, кто-то убирал с парты тетради.

— Так что, никто не пойдет с рюкзаком? — уже спокойно улыбнулась Анна Андреевна. — Напрасно.

Это же так здорово! Собраться с друзьями на берегу какой-нибудь тихой речки, у костра. Вкусный запах дыма, печеная картошка, взлеск воды и звезды...

Мне показалось, что она не просто рассказывает нам, а в то же время вспоминает что-то далекое и волнующее.

Ко мне повернулся Сэм и прошептал:

— Я что, напялялся зам?

Он положил передо мной сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул его и прочитал: «Я никогда не была в ресторане. Одной не хочется, с родителями — скучно, с кем-то — меня никто не приглашает. И вот ты пригласила. Ты, по которому вздыхают многие девочки в нашей школе, обещала позвонить мне. Я не ждала, не верила, что ты позвонишь хотя, если честно признаешься, весь вечер просидела дома в лучшем платье. Впрочем, не из-за этого я тебе все пишу. Дело в другом. Знаешь, больше всего в жизни я ненавижу ложь. Ложь — это слабость человека. Первый шаг к трусости. Предательству. Кто лжет, тот вдвое омерзителен. Потому что делает это сознательно.

Ты мне всегда нравился. Но теперь я тебя презираю. А о том, что ты был у Сэма и слушая записи, мне рассказал твой Академик. Он поздно вечером приходил за книгой. Вот так. Уверена, что ты никому не покажешь это письмо. В нем про тебя больше, чем про меня. И подпись: «Я».

У меня даже в ушах зазвенело. Я чувствовала, как покрываюсь красными пятнами.

Я не слышала звонка на перегородку, не видел, как ушла Анна Андреевна. Когда оглянулся, первое, что мне бросилось в глаза, — спокойная фигура Академика, «Всем виноват он», — с ненавистью подумал я и подскочил к нему.

— Выйдем!

Он удивленно вытаращился на меня.

— Что случилось?

На лестнице я схватил его за пиджак и притянул к себе.

— Ты сказал Мамье, что я вечером был у Сэма?

— Да.

— Кто тебя просил?

— Видишь ли, если молодой человек приглашает девушку в кабинет, а сам вместо этого идет развлекаться с друзьями, то следует разъяснить девушке, что сей кавалер — розовый поросенок.

Я размахнулся, но кто-то схватил меня за руку. Это Мальчоныш.

— Физическое оскорблечение карается законом по статье Уголовного кодекса, — выплюнул он быстро.

— Пусти! — рванулся я.

— Сэм! Биль! Скорее сюда! — позвал Мальчоныш.

Выскочили парни. Сэм взглянул на меня, на Академика и спокойно спросил:

— В чём дело?

Академик слово в слово повторил все. Сэм бросил на меня строгий взгляд.

— После уроков мы объяснимся, все. Хотя бы потому, что ты был в тот вечер с нами.

Мы вернулись в класс. Никто из ребят и не заметил, что произошло. Письмо жило мне карман.

Осторожно, чтобы не зацепить парту, к столу спешил Гер Герыч. Класс радостно закипел. Гер Герыч ткнул пальцем в оправу очков на переносице и грустным голосом заявил:

— С праздником вас, ребята! С каникулами! Сидите! — Потом он помолчал немного, вздохнул и сказал: — Такие вот дела, ребята! В моей жизни было несколько неприятных случаев. Один раз я тонул, один раз отравился в диетической столовой, а те-

перь вот жизнь подсунула новое испытание: меня назначили руководителем вашей практики. Практику будем проходить с завтрашнего дня. На заводе «Сельхозтехника».

Что тут началось! Все повсюду смеялись с места, кричали «Ура!». Всем классом убеждали Гера Герыча, что быть нашим руководителем не страшнее, чем отправление в диетическую, гадали, что будем перевыполнять план, а Мальчоныш, размахивая кулаками, кричал:

— Ну, держись, завод! Ну, погоди, заяц!

— Я тоже об этом подумал, — подхватил Гер Герыч. — Труд, ребята, превратил обезьяну в человека, мне будет очень грустно, если вы повернете этот процесс назад. Теперь идите домой отдыхать. А завтра в восемь я жду вас у проходной завода. Форма одежды — рабочая, настроение — рабочее. И, пожалуйста, не опаздывайте.

Мы высыпали из школы. На улице солнечно и весело. Небо было чистым, как страницы новой тетради.

К нам подошел Академик. Я про него забыл. Видимо, он высоконил раньше нас.

— Продолжим разговор? — спросил он сухо.

Сэм внимательно посмотрел на него и усмехнулся.

— Молодец, Академик! Только, может, отложим выяснение наших отношений? Есть предложение сбрасывать сегодня у меня. Завтра и потанцуем!

— Правильно! — вскричал Мальчоныш. — Танцы с моралью!

— И там разберемся, — поддержал Биль.

— Хотите так? Пожалуйста! — пожал плечами Академик, потом повернулся ко мне. — Только не думай, что я изменил до вечера мнение о тебе!

3

С тарики были дома. Игорю, видимо, опять в ночьную, а Веру на работу после обеда.

Вера разогревала суп, доставала тарелки, а Игорь готовил ей бутерброда. Делает он их всегда самозабвенно, складывая неимоверную фантазию. Начинает их конструировать часа за два до ухода Веры на работу. Он говорит, что это его хобби. А мне кажется, просто они Ромео и Джульетта двадцатого века. Современная форма проявления чувств.

Я встала в дверях на кухню и торжественно заявил:

— Уважаемые мама и папа! Наконец-то ваше чадо с хряхтением перевалило в десятый класс и тем самым исполнило свой сыновний долг перед родителями. Поздравляю вас с удачным сыном. Будьте счастливы.

Вера откинула со лба пушистую прядь и ласково взглянула на меня.

— Наконец! — сказала она, улыбаясь. — Поздравляю, сынок! Молодец!

— А практика? — приостановил свое занятие Игорь.

— Месяц пребывания на заводе «Сельхозтехника».

— Хороший завод. Серьезный. Повезло вам. Я поспешил убраться в свою комнату. Мне хотелось поскорее известить порядок в комнате. До ухода вечером к Сэму. Только когда я уберу с глаз все эти учебники, расписания занятий, тетради, шариковые ручки — только тогда я почувствую, что учебный год закончился. Я включил на полную мощь магнитофон и под Гершвина принялся за уборку. Первым делом я снял с себя костюм и упрятал в самый дальний угол шкафа. Пусть хоть летом не мозолят глаза,

Этот школьный костюм вызывает во мне весь год какое-то стыдливое чувство.

Каждый раз в начале учебного года идет война с педагогами из-за нашей одежды. То брюки чересчур узкие, то кошмарно расклешенные, а то категорически запрещается носить пиджаки на четырех пуговицах. Кончается война, как правило, после того, как подключают тяжелую артиллерию.

Вернувшись с родительского собрания, Вера с Игорем сухо сказали мне:

— В воскресенье магазины открыты — пойдем покупать тебе костюм!

— У меня же есть! —звенел мой голос, словно в пустынном небе.

— Твоим костюмом можно ходить на карнавал, а не в школу!

Когда Игорь сердится, он грузно ходит по комнате. На этот раз он, кажется, грузно бегал.

В воскресенье меня повели. Вера шла с одной стороны, Игорь — с другой. В дверях магазина я замедлил шаг.

— Ну? — нахмурился Игорь, а когда мы подошли к прилавку, строго сказал продавщице: — Девушка, пожалуйста, нормальный черный костюм на этого... — он поиском слово и наконец определил: — ребенка!

Продавщицы все знают. У них профессия такая. Они только плохо скрывают ехидные улыбки. И еще они оставляют для нас костюмы, которые ни один здравомыслящий человек для себя не выберет.

— Строгий костюм? Черный? — любезно прокуря рекапа продавщица. — Для школы?

— Вот-вот! — нетерпеливо кивнул Игорь и собрался уже бежать в кассу, не дожидаясь примерки.

Но тут подключилась Вера. И я погрузился в два мешка, которые числятся брюками и пиджаком.

Пока я с кислой миной вращалась перед Верой в кабине, Игорь успел уплатить в кассу и вручить чек продавщице. Всю ночь Вера подгоняла костюм по мне, а завтра, напялив это, извиняясь за выражение, рубище, я отправился в школу. Мое сердце прыгало, как заяц заост, в ушах уже отчетливо слышались ехидные замечания Билля, Академика, Сэма, Мальчоныша и Дипломата. И только в классе, взглянув на ребят, я понял, что, слава Богу, у нас никто не сирота. У всех парней есть родители!

Я залипнул костюм в шкаф и накрыл, как покойника, белой простыней. Наконец я буду носить свою нормальную одежду — джинсы и красную рубашку. Сейчас эпоха джинсов. Примечательных. Символ пренебрежения и тряпкам. Мы живем в эпоху великих дел. Время, когда квартеты по однажды, а проходили по уму, осталось где-то позади. В прошлом.

Я опаздывал, поэтому быстро сунул письмо Манни в карман и помчался к Сэму.

Все уже были в сорбе. Вернее, только парни. Девчонок Сэм привлек на час позже. Чтобы за это время разобраться, что произошло.

Когда я вошел, Мальчониш ходил по комнате в боксерских перчатках Сэма. Академик рассматривал пластинки. Биль пощипывал струны гитары. В углу Дипломат пытался оторвать от пола две двухпудовые гири. А Сэм прибирал комнату. Увидев меня, Мальчониш пошел навстречу, выставив вперед перчатки.

— О-о-о! Как я рад видеть вас, сэр! — вскричал он весело. — Позвольте,уважаемый, вместо рук я покажу вам физиономию!

— Охотно, мальчик! — воскликнул я, становясь в боксерскую стойку. — Детям нельзя отказывать!

Мальчониш удивленно вскинул брови, затем повернулся к Сэму:

— Милейший, позвоните в «Скорую помощь», пусть срочно вывезут за трупом.

Он пригнулся и пошел на меня. Но Биль отшвырнул гитару и сзади обхватил Мальчоныша.

— Предательство! — визжал Мальчониш.

Дипломат оставил гиря и вместе с Академиком ринулся к нам. Он сорвал ее и, набросив на нас, прыгнул сверху. Завязалась кутерьма. Все сопели, охали, кряхтели. Главное, нам хотелось спихнуть Сэма. Но он вдруг начал подло щекотать нас. Задыхаясь от хохота, мы стали отползать от него, размахивая руками и ногами. Сэм лежал и, улыбаясь, смотрел на нас. Мы переглянулись, но Сэм не сразу понял наш замысел, а когда до него дошло и он попытался вскочить, было уже поздно, мы впятером навалились на Сэма. Через секунду Сэм уже кидал от хохота.

— Сдаюсь! — хрюпал он. — Ой, мамочки... сдаюсь!

Мы отпустили его. Утирая слезы, Сэм сел на пол около нас. Когда все немного успокоились, Биль растянулся на ковре и сказал:

— Нельзя нам, парни, скориться! Нужно все это беречь!

Академик улегся рядом, положил голову Билю на живот и спросил:

— Какой ценой?

— Любой! — швырнул на тахту перчатки Мальчониш.

— Сохранить дружбу любой ценой? — В голосе Сэма послышалось удивление.

— Там, где приходится сохранять дружбу любой ценой, настоящей дружбы уже нет! — сказал я.

— Дружбу надо беречь, — задумчиво произнес Дипломат. — Только не любой ценой. Нет. Неправильно это. Ведь хитрость тоже можно сохранить дружбу. Но надолго ли? И будет ли эта дружба ценной и крепкой? В том-то и дело, что к другу нужно подходить с повышенной меркой. Быть настоящим другом, мне кажется, это очень ответственно. Нужно не бояться сказать другу правду в глаза, остановить от нехорошего поступка, быть предельно искренним с ним. В общем, получается, ты воспитываешь друга, чтобы он тебя учил. Вот, значит, и цена дружбы: не снисходительное поддакивание, а полная откровенность. Да что там, как сказал Платон: «Не нужен мне друг, который повторяет каждый мой кивок. Это ведь делает гораздо лучше тень моя»!

Мне показалось, что Дипломат говорит только для меня. В мой огород булыжники летят! Он как бы резюмирует наше утреннее столкновение с Академиком. И говорит он сейчас от имени Сэма, Мальчониша, Билля и от себя. По тому, как все серьезно слушают его, я понимал, что своим молчанием они поддерживают Дипломата.

Я взглянул на себя со стороны. Вот сижу на полу, окруженный со всех сторон друзьями, и они судят меня. Судят беспощадно, откровенно и, кто его знает, может, справедливо. А я ничего не могу возразить. Вернее, не имею права. Потому что судят друзья, а не тени мои. И, может быть, завтра я когда-то из них буду так же судить, чтобы он был настоящим парнем, которому я сам в любую минуту смогу довериться.

Мне захотелось показать, что я понял их и дорожу этой дружбой, поэтому вытащил из кармана Манькино письмо и протянул им.

Академик читал медленно. Точно спотыкался на словах. Когда он окончил, все молчали.

— Что делать будем? — спросил негромко Мальчониш.

— Манька тоже немного преувеличил! — пожал плечами Биль.

Сэм встал, подошел к телефону, набрал номер и протянул мне трубку.

— Говори!

— Алло... алло... — слышалось в трубке.

Я узнал голос Маньки.

— Маня... Марина,—произнес я тихо.—Видишь ли... я, в общем, наврал тебе... И ты прости... Я, знаешь, дурак, нет, свинья. Ты слышишь, Марина, я свинья...

Марина молчала. Сэм взял трубку.

— И нас тоже извини. С кем он вчера был. Его друзей. Билля, Дипломата, Академика, Мальчоныша и меня. Не сердись на нас, ладно? Час!

Сэм положил трубку, повернулся к нам и засиял в улыбке.

— Эх, парни! Знаете, что дает человеку силу? Чистота! Ее никогда не нокаутируешь! Это я только сейчас понял! А теперь за работу. Академик к музыке. Билль к кофеверке. Дик со мной убирает комнату. Дипломат наливает на стол. А ты, Мальчоныш, можешь сколько душе твоей угодно нам мешать.

Когда пришли девчонки, мы встретили их таким радостным галдением, что они, зажав уши, забились в угол комнаты.

Нинка Вернисажева, копируя нашего Митрофана Борисовича, учителя по военному делу, восхлинула:

— В армию вас, товарищи дети! Такими глотками вслушиваются рявкать да песни в походе исполнять.

Потом все пили кофе, много смеялись. Затем разбрелись по домам. Я пошел провожать Жанну.

А целуется она ничего... Вот только от нее сильно пахнет кофе,

Неужели я буду с хлебушком таскаться? Наверняка на заводе есть какой-нибудь буфет.

— Зачем это! — показал я плечами.— Там поем.

— Бери, бери! — сказала Вера, пододвигая мне один пакетик.— С устатку быстро захочешь есть. И отец так сегодня старался...

Мы разобрали пакетики. Игорь взял тот, что остался.

У ворот наши дороги расходились. Старикам направо, мне наплево, к троллейбусу. Игорь протянул руку.

— А ты куда? — спросил я.— Ведь с ночной же?

— Ненадолго к себе! Надо с начальством потолковать. Да и Веру проводить! — Игорь крепко сжал мою руку.— Ну, держи! И помни: родители твои всю жизнь в рабочих ходят. И, значит, самые счастливые люди. Не позорь их. Раскрой глаза и смотри вовсю!

Я разозлился. Да чего они, как в космос меня отправляют. Подумавши, месяц на заводе проболтаться. Время пройдет в порядке. А старик готов на трибуну забраться и речь толкать. Еще нехватило, чтобы полезли целоваться. И только подумай, как Вера потянулась ко мне.

— Да будет вам, — увернулся я и, бросив «Час», пошел.

Сзади раздался недовольный бас Игоря:

— Час!

Наших у проходной собралось уже много. При виде меня все радостно загудели, словно я за них один буду работать.

— А что, Гер Герич еще не пришел? — спросил я у Мальчоныша.

— В отдел кадров двинул. Сказал, чтобы мы его здесь ждали.

Все шумели, словно на перемене. Девчонки, сбившись автономной кучкой, о чем-то горячо сплетничали. В толпе я увидел Маню. Она открыто посмотрела на меня и приветливо кивнула.

— Собственно говоря, меня интересуют на этом заводе только два вопроса, —lixо болтал Биль.— Где касса? И сколько раз в месяц дают зарплату?

— Не бойся, Биль, — подмигнул нам Дипломат.— Никто тебя кассиром не поставит!

Мы стали наблюдать за идущими к проходной людьми. До нас долетели некоторые фразы:

— Это еще что за детский сад?

— Наверное, экскурсия!

— Так рано!

— Не спится беднягам!

Академик повернулся к нам и сказал:

— А зазод, видимо, большой. Смотрите, люди все идут и идут.

— Скорее и мы вольнемся, — подхватил Биль.

Из проходной вышел Гер Герич с каким-то пыльным полным мужчиной.

— Так! Давайте все сюда! — громко позвал нас Гер Герич.

Он вошел вместе с толстяком в кабинет. Мы возбужденно двинулись за ними. На дверях висела табличка «Инспектор по кадрам».

— Смелее, смелее проходите! — подгонял нас Гер Герич, когда мы запихивались в кабинет.

Инспектор по кадрам сидел за большим широким столом, сложив пухлые руки на серой папке. Плотно сжав губы, он хмуро и неподвижно смотрел на нас. Когда все притиснулись в кабинет, Гер Герич низко низко в нашу сторону и улыбнулся инспектору:

— Можете просить в вашем министерстве увеличения плана — такая армия работников пришла!

Инспектор взглянул на Гер Герича, затем на нас с такой грустью, словно к нему армия пришла не работать, а увольняться.

4

Проснулся я от дикого воя саксофона. Ничего не соображая, вскочил с кровати. Магревел, как взвешенный, а посреди комнаты стоял Игорь и, хитро улыбаясь, притопывал ногой в такт музыке.

— Хватит спать, на работу пора! — Я бросил взгляд на часы: было половина седьмого.

— Ты что! — испуганно вскрикнул я и, шлепнувшись обратно в кровать, сердито бросил: — Нам к восьмому! — И укрылся одеялом с головой.

Игорь прибавил громкость и, наклонившись, принялся тормошить меня.

— Вставай, вставай. На работе доспиши!

— Отстань! — дрыгнул я ногой. — Спать хочу!

Игорь неожиданно повесил подхватил меня на руки и легко понес из комнаты, горланя по дороге:

— Маты! Маты! Смотри, что я нашел. Ничего буйгай, а? — Игорь поставил меня на пол, шлепнул чуть ниже спины и нарочито строго сказал: — Эх, бесстыдник, не умылся, не оделся, а уже бегом на кухню. Ну-ка, марш в ванную!

Через десять минут мы сели завтракать. У преднов было отличное настроение. Это оттого, что я иду работать. Пусть только на практику, всего на месяц, но, кажется, моим родичам приятно, что вот их чадо вымажало настолько, что может самостоятельно вкладывать на заводе. Значит, он уже большой. Созрел для сознательного труда.

За столом Вера и Игорь все время посматривали на меня, улыбались, переглядывались. А Игорь, не умолкая, острил:

— Еши, еши. Сегодня придется не авторучку держать. Еще рухнешь под тяжестью напильника.

Потом выложил на стол три аккуратненьких пакетика.

— Эх, сколько я мечтал об этом, — сказал он серьезно, затем весело восхлинул: — Ну, кому бутерброда с колбасой, кому с рыбкой, а кому с котлетами. Хватайте!

С девчонками инспектор расправился быстро. Одних расхвалил по складам, других отоспал в центрально-измерительную лабораторию, Жанну с Вернисажевой — на инструментальный склад, а Маньку вообще загнал ухаживать за цветочными на территориями. Наши девы растерянно переглядывались и испуганно жались друг к другу.

Гер Герич повел их по рабочим местам. Мы остались с инспектором. Он исподлобья рассматривал нас, мы смущенно молчали. Вдруг он строго спросил:

— Так. В парикмахерской когда присутствовали?

— Кто? — примитивно откликнулся Санька Рюмов.

— Все. Без исключения. Завод не школа — лохматы на территорию не пускают.

О господи! Начинается!

— Такая мода сейчас! — еле сдерживая раздражение, сказал я.

— Как вы точно заметили, — добавил Академик, — лохматы!

Инспектор с готовностью подхватил:

— Вот-вот! Но, требуется сказать, ваша мода пристает от хорошей жизни. Родители делают все, чтобы у вас было беззаботное детство... Требуется сказать, что мы в ваши годы...

— ...Иначе жили, — воскликнул Мальчионьши. Сидели на хлебе с водой!

— Но возводили доменные печи! — с пафосом произнес Сэм.

— Строили Комсомольск-на-Амуре! — подкинув Академика.

— А мы зато в космос летаем! — с вызовом сказал Дипломат.

У инспектора покраснели даже руки.

Раскрылась дверь, и вошел Гер Герич.

— Ну что, рассортировались? — спросил он приветливо.

Мы испуганно взирали на инспектора.

— Герман Германович! — хрюкло выдавил он. Я прошу, чтоб ваши ученики подстриглись... Затем, будто сплотнувшись что-то, добавил: — Требуется сказать, даю три дня на это!

Гер Герич внимательно посмотрел на него, затем на нас и, что-то уловив, ткнул пальцем в центр справы.

— Мне кажется, Соловьев Родникович, мы можем одни поговорить на эту тему.

Инспектор приединил к себе телефон, начал звонить по цехам, и вскоре нас рассортировали. Из наших парней Сэм и Биль были направлены в механический цех, Мальчионьши сунули на сборку целей, Дипломата — в сварочно-сборочный цех, меня — в строительный. Академика вначале ткнули в ремонтно-механический, но Гер Герич что-то шепнул инспектору, и Академика перевели в отдел главного механика. Когда мы с шумом выскакивали из кабинета, инспектор по кадрам крикнул плодонеку:

— Желаю вам пройти практику на «хорошо» и «отлично»!

Биль не удержался и уже в дверях ответил:

— Будьте уверены, мы сделаем все, чтобы не остаться здесь на второй год!

Огромные здания цехов из стекла и бетона вытянулись по всей территории. Из распахнутых ворот цехов несется гул машин. Непонятно, как люди могут работать в таком шуме.

Вообще-то на заводском дворе столько зелени, скамеек, что кажется, люди приходят сюда не работать, а отдыхать. У входа в каждый цех длинные столы, скамейки, вкопанные в землю бочки с песком для скользков и небольшие клумбы с цветами. Но особенно много цветов у столовой и административного корпуса. Широкая площадь перед ними покрыта

зеленым ковром молодой травы. А на этом ковре огромное количество цветов.

Я обошел почти весь завод, пока разыскал свой цех.

Строительный цех оказался небольшим, но длинным. Пахнет лесом и столярным клеем. На каждом столбе, на стенах — всюду развесованы строгие приказы: «Не курить!». Словно здесь только и думают, как бы покурить.

Народу в цехе было немного. Все обступили высокого, худого мужчину и о чем-то беседовали.

Я потягивал в дверях, затем смущенно подошел к нему.

Мастер, видимо, уже был в курсе дела. Он внимательно оглядел меня с ног до головы и строго сказал:

— Практика — это хорошо. Нужная вещь для вас. Я бы не один месяц назначал, а три. Чтоб знали, как хлеб достается!.. Теперь слушай меня внимательно, шпингалет! — продолжал мастер. — Я тебя никогда не забуду, если ты ничего здесь не включишь, ни к чему не подойдешь, ничто не тронешь, никуда не полезешь. Ухватил?

Все вокруг скалятся, как в цирке. Молчать нельзя, Будут весь месяц хихикать.

— А что же делать?

— Ничего!

— Интересная работа. Только ничего не делать, между прочим, я могу и в школе. Или, еще лучше, дома. А здесь дайте, пожалуйста, работу.

Глаза мастера удивленно округлились, будто я сказал какую-то носусветную глупость. Рядом стоящий рабочий, огромный, с красным лицом, насмешливо спросил:

— А что ты умеешь делать?

— Не много. Во всяком случае, гвозди закапывать нетрудно!

Краснолицый достал молоток, несколько гвоздей, положил на доску небольшой брускок и скомандовал:

— Прибей!

Все с улыбкой уставились на меня. Если я откажусь — мне конец. И не только мне, но и всей нашей молодежи, которая не знает, как добывают хлеб, ничего не умеет делать своими руками и т. д. и т. п. Я схватил молоток и начал вгонять гвоздь. После четвертого удара он подло согнулся.

— Ну еще! — ехидно сказал плотник.

Второй гвоздь согнулся в самом конце.

— Бери третий!

— Дайте-ка мне! — услышал я сзади знакомый голос.

Я оглянулся. Около меня стоял Гер Герич. Он взял молоток и на третьем ударе согнулся гвоздь. Плотники дружно заржали. Один сказал:

— Никак учитель его?

— Каковы саны, таковы сами! — прищурился старик плотник.

Гер Герич, отложив молоток, покорно слушал. Мне стало обидно за него. Я готов был броситься на них с кулаками.

— Что вы ржете! — крикнул я. — Махать молотком головы не надо!

— Соколов! — строго одернул меня Гер Герич и обратился к плотникам: — Что ж вы, товарищи, так...

— Не кипятись, учитель! — прервал его мастер. — Мы ничего ему плохого не хотим. У нас у санах дома такие пасыни бегают. Ну и то, чтобы они понимали, что любая профессия требует уважения. Он повернулся ко мне: — А ты, малый, запомни, каждый гвоздь денег стоит. И гнуть их — дорогое удовольствие. А насчет рук и голсов — учи, самая

легкая работа покажется тяжелой, если без головы к ней подходит.

— И какой ты мужик, если в доме гвоздя не сможешь забить! — воскликнул плотник, который давал мне гвозди.

— А ведь они, Соколов, пожалуй, правы, — сказал Гер Герыч, положив руку мне на плечо, и обратился к мастеру: — Только вы уж работу все равно дайте. Уверен, он научится гвозди забивать. И меня еще научит!

Здоровый повернулся к мастеру:

— Поставь его к забору!

— Ладно, — кивнул мастер. — Бери молоток, по-больше гвоздей. Пойдем, будешь трудиться на очень ответственном участке!

Ответственным участком оказался забор. Обыкновенный забор вокруг завода. Мастер объяснил работу:

— Пройти вдоль всего забора и заколотить до единой дырки. По исполнении доложить.

Работа оказалась чепуховой. Там, где доски болтались на одном верхнем гвозде, поставишь оторванный конец на место, вгонишь гвоздь — и порядок.

Сияло солнце. Легкий теплый ветерок нападал порциями; обдаст свежестью и летит, наверное, к другому рабочему.

Часам к двенадцати я зонгнал последний гвоздь и отправился к мастеру.

— Все! — весело доложил я.

Он странно взглянул на меня:

— Хорошо. Пойдем проверим.

Мы отправились. Несколько досок были оторваны. Я обалдело уставился на мастера.

— Я же приказал весь забор отремонтировать! — строго сказал он и ушел.

Ничего не понимаю. Ведь проверил до единой досочки. Буду теперь повнимательней. К обеду заколотил опять.

— Теперь уже все! — снова доложил я.

— До единой! — протянул мастер.

— До единой!

— Ну смотри, после обеда проверю!

Никто из моих парней не пришел, и я весь обед провел с плотниками. Следил за игрой в домино и слушал устное народное творчество. Без высшего пилотажа, правда, но все равно крепко сколоченное. А после обеда мастер Алексеев бросил мне:

— Пойдем проверим работу!

Я спокойно отправился к забору. В нескольких местах доски опять были сорваны. Взглянув на мое лицо, мастер начал хохотать. Смеялся он до слез. Затем ласково сказал:

— Ну-ка, идем!

Он отодвинул доску, и мы пролезли сквозь забор.

— Смотри. — Мастер указал в сторону дома, над которым большими буквами сияла вывеска «Вино». — Теперь понимаешь, почему забор сломан? Есть у нас еще такие, кто поклевывается бегает. Так что, боюсь, работы тебе на всю практику хватит.

Но тут мастер ошибся. Мне пришла отличная идея в голову. Я набрал небольших досок, взял самые огромные гвозди, молоток, пролез сквозь забор и направился к магазину. У них как раз был обед. Через две минуты двери в магазин «Вино» была аккуратно и наглухо заколочена. Бегом я бросился назад.

— Ну, теперь уж право все! — улыбнулся я мастеру.

— Что все! — посмотрел он на меня настороженно.

— Не оторвут!

— Почему?

— Надежно заколотил!

— Ну-ну! — хмыкнул мастер, но тут его позвали и он ушел.

В цех заглянули Биль и Сэм и поманили меня рукой. Я выскочил. Оба испачканы, но в хорошем настроении.

— Ну, что построил? — весело спросил Сэм.

— Или разрушил? — добавил Биль. — А мы теперь становчики. На сверлильных станках работаем. Дырки делаем. Я три сверла сломал, Сэм — два. Я вызвал его на соревнование, кто больше сверла сломает!

— Ты знаешь, зачем мы пришли к тебе? — спросил Сэм. — Предупредить, что мы работаем на три часа меньше. Гер Герыч велел всех наших обойти.

Я рассказал им про магазин.

— Башковитый ты парень! — засмеялся Сэм.

— Как бы тебе ее только не оторвали, — заметил Биль. — Сэм, удостоверение о первом разряде по боксу при тебе? Может случиться бой!

Но Сэм ответить не успел. К цеху уже спешили мастер Алексеев, Гер Герыч, инспектор по кадрам, начальник цеха и женщина в белом халате.

— Накаркал! — бросил я.

— Плевать! — сказал Сэм.

— Умрем вместе! — решительно произнес Биль. Они приближались к нам, и женщина ткнула в меня пальцем.

— О! Я его через окно увидела. Думала, дверь ремонтирует. Пришлось к вам через окно выбираться!

Все смотрели на меня.

— Это правда, Соколов? — спросил Гер Герыч.

— Да, — буркнул я.

Начальник цеха вскипел:

— Какое ты имел право хулиганить?

— Я велел ему заколотить дыры в заборе! Он так старался! — выгораживая меня, сказал мастер.

— Им бы только побезобразничать! — распалялся начальник цеха.

— Я не безобразничал! — вспыхнул я. — А иначе нельзя спрашиваться с забором.

Биль отстранил меня и вышел вперед.

— Уважаемые товарищи! Вот уже сколько лет существует ваш прославленный завод. И ровно столько лет под вашим боком действует рассадник зла. Партия и правительство неоднократно призывали вести решительную борьбу с этими пережитками капитализма. В том числе и ликвидировать всевозможные алкогольные фонтаны близ предприятий и учреждений. Следовательно, любое проявление недовольства с вашей стороны можно рассматривать как то, что вы не читаете газет или сознательно игнорируете указания. Мы же, ученики девятого класса, полностью поддерживаем замечательный почин нашего товарища и, если понадобится, обратимся через петицию ко всем детям нашей страны. Секрет?

Все, раскрыв рты, с ужасом смотрели на Биля. И только Гер Герыч, наклонив чуть голову, держался за очки, чтобы скрыть улыбку.

— Шибко грамотные стали! — вздохнул инспектор по кадрам.

Начальник цеха повернулся к Гер Герычу:

— Это тоже ваши?

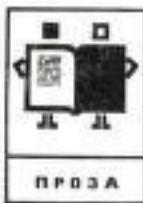
— Мон! — кивнул спокойно учитель.

— Алексеев, пошли человека разобрать доски на дверях. А вы, — начальник цеха повернулся к Гер Герычу, — потрудитесь больше не присыпать в мой цех ваших подопечных! Из какой школы вы?

Гер Герыч назвал.

— А я думал из школы милиции! — хмыкнул начальник.

(Окончание следует.)

Михаил ДЫМОВ

ОТКРЫТАЯ СТРАНА

(Записки девятиклассника)

5

ПОВЕСТЬ

Мы ссыпали исправлять свою трудовую биографию в РМЦ. На участок сантехников, которые устанавливают по всему заводу батареи, ремонтируют краны, душ, меняют в туалетах смычные бачки и унитазы, а также чистят до блеска канализацию.

— Нужная профессия! — заявил инспектор, разглядывая свои ногти, словно видел их впервые.

Нужная, по-видимому, от слова «нужник». Я, конечно, хотел высказаться, но, вспомнив о магазине, решил промолчать. И еще, пусть не думает, что уязвил меня.

РМЦ в переводе обозначает ремонтно-механический цех. Помимо нашего сантехнического участка, здесь еще три: ремонтный, токарный и монтажный. В цехе всегда стоит резкий запах машинного масла, керосина, карбида; из-за дыма от сверки с непринятыми щиплет глаза. Люди ходят, как трубочисты: в темных спецодеждах, с измазанными лицами и такими черными руками, будто носят кожаные перчатки. У меня создалось впечатление, что никто здесь не боится этой грязи. А даже наоборот — будто гордится ею.

На ремонтном участке в беспорядке стоят станки, завезенные из других цехов. Некоторые такие огромные, что непонятно, как их затащили сюда. Станки раскурочены по всем правилам детской любознательности, и похожи они теперь скорее на скелеты. Все детали разбросаны на верстаках, мокнут в больших ваннах с керосином, навалены на полу. Интересно, как люди могут разобраться в этих железах и не напутать — какое-нибудь колесо от токарного станка присобачить к штамповочному прессу. Рабочие увлеченно что-то подгоняют, колотят, спиливают. А один взобрался на самый верх огромного станка, под потолок, приняв себя за крюк крана, и что-то там привинчивает.

За глухими железными дверьми находился мой кассенизаторский участок. Когда я появился, некоторые члены кассенизаторской команды были здесь. Кто сидел, кто стоял у своего верстака. Все внимательно слушали невысокого худого человека в синем халате и огромном, как поднос, берете. Хозяин берета медленно прохаживался перед рабочими и негромко, с озабоченным видом говорил:

— Задание необходимо выполнить. Иначе не видать нам первого места, премий. Он повернулся к верстаку, у которого сидел тип в брезентовой робе и сварочных очках на лице.

— Сколько, Игнат, стыков заварить осталось?

— Одиннадцать.

— Успеешь?

Сварщик пожал плечами.

— Даешь еще человека, может, и будет!

— Пока все заняты. Освободится кто, сразу пришлю!

Мастер оглядел всех и вздохнул:

— Кровь из носу! Понял! По коням!

Сантехники стали не спеша расходиться. Я пошел к мастеру и представился. Он с любопытством посмотрел на меня и насмешливо спросил:

— Значит, воюешь за нашу трезвость?

Уже знают. Я дернул плечом.

— Воню! — И, огладив всех, добавил: — Для пользы завода. Секёте?

— Иши ты, вони! — насмешливо сказал пожилой сантехник.

Другой повернулся к нему:

— Ну да, понимаешь, в жизни всегда есть место подвыгу!

— Вот что, парень, у нас тебе делать ничего, — мягко сказал мастер. — Люди мы непьющие, скучно тебе будет с нами. Да и работа, прямо скажем, не по твоему образованию. Задохнешься!

— Я знаю, — кивнул я. — Только мне ненадолго. Один месяц помучаюсь с вами, и все. Практика. Так сказать, воспитание трудом!

— И запахом! — хохотнул пожилой сантехник.

— Ну хватит, Тахта, глотнинчать! — резко сказал сварщик, которого звали Игнат, и повернулся к мастеру: — Петрович, пусть пацан идет со мной. Хотя бы пока ты пришлешь кого-нибудь.

Мастер недовольно пошевелил губами, затем кивнул:

— Ладно. Только ты, Игнат, смотри, чтобы он еще чего-нибудь там не навоевал.

Рабочие, переговариваясь, стали расходиться. Сварщик Игнат оглядел меня с ног до головы и вдруг расплылся в улыбке.

— Не дрейфы! Ружиццы есть?

— Откуда? — хмуро ответил я, стараясь держать его на почтительном расстоянии.

— Не складе надо получить... Возьми пока мон.

Он отомкнул верстак и достал чуть обожженные серые рукавицы размером с хорошие валенки.

— Получиши — отдашь новые!

Господи, раскрытия ты земной шар познергичнее, чтоб скорей этот месяц пролетел!

Стараясь не испачкать руки, я напялил рукавицы. В дверях мелькнула и исчезла фигура Гер Германа. Мне показалось, что он находился с самого начала здесь и все слышал и видел.

— Как у тебя со здоровьем? — задал вопрос Игнат.

— В детстве болел свинкой! — пожал я плечами.

Игнат свалился на верстак от хохота.

— Чудак, я тебя спрашиваю, не тяжело ли тебе будет, а ты... ты... в детстве... свинкой...

Смотреть, как он плачет крупными слезами от хохота, невозможно без улыбки, и вскоре я тоже смеялся.

Успокоившись, Игнат повел меня в закуток, вручил теленку со сварочным аппаратом, сам подхватил коляску с баллоном кислорода, и мы покатили наше орудие производства к инструментальному цеху.

— Ты не обращай внимания на шутки ребят, — выступал Игнат по дороге. — Бригада у нас хорошая, Дружная. А сантехником работать интересно. Холодно — за нами бегут, пить нечего — опять нужны мы, помыться — и то без нас не могут.

— В порядке работка! — усмехнулся я.

— А что, скажешь, не в порядке?

— В порядке. Особенно мыть всех!

— А-а-а, ну да! — хмуро заговорил Игнат. — Грамотные! Небось, мечтаете стать космонавтами или докторами! Конечно! А вот ты стань сантехником. Настоящим. Чтоб без тебя не могли. А насчет грамотности, так видишь, мы на участке считаем себя

людьми с техническим образованием. Потому как сантехник — это что? Санитарный техник! Понял?

Игнат опять засмеялся. Вообще, мне кажется, смех — его слабость. Палец, наверное, покажи, и готов.

— А я вот не учился! — вздохнул Игнат. — Род в деревне, матери помогал. Батя на войне остался. А дома еще три сестренки. Потом армия, на флоте служил. Правда, на берегу. В штабе швартовался. За время службы ни разу моря не видел. Но уж как в деревне на побывку приехал, ох и наплевался! Языком. Штормы, океаны, акулы — в деревне рты разевали. Потом женился здесь. И вот варю... Стоп, приехали.

Мы затащили аппараты в цех. Игнат объяснил, что мне делать, надвинул очки, зажег горелку. В мои обязанности входило состыковывать трубы, поддерживать одну из них, следить, чтобы они лежали ровно, пока Игнат их прихватывает, подавать проволоку, зажигалку, бегать с бутылкой из-под молока за бесплатной газировкой и слушать его трепалагию. Вообще-то он оказался мужиком интересным. И варит — закачаешься. Я даже залюбовался. Рука его плавно зела горелку, проволока таяла на глазах, а когда она кончалась, он рывком отбрасывал через плечо ненужный кусок, тут же подхватывал другую. В неудобных местах он то становился на колени, то ложился на спину и варил снизу, то перекладывал горелку в левую руку и пропевал туда, где мне казалось, и варить-то было невозможно.

— Обалдеть! — восхитился я, когда тонкой проволокой, прикрепленной к куртке, он прочищал горелку.

На его смуглом лице вспыхнуло удовольствие.

— А ты говоришь — свинкой! — хохотнул он. — Я как после армии научился варить, так вот уже десять лет не могу навариться. В воскресенье готов бежать на завод... А я ведь уходил с этого завода. Представляешь? Три года отработал — не дают пятый разряд, и все. Ну, я, значит, заявление на стол. А мне раз — и подписали заявление. Понимаешь?! Не уговаривали, не оставляли две недели отработать, ничего. Не хочешь — отчаливай. Ну, я и сломался. Психика, значит, хрюнула. Восемь месяцев в другом месте пахал, а обида все гложет. За что же меня так отпустили? Неужели не нужен совсем? Ну, в общем, может в душе что-то. Однажды плюнул на все, вернулся на завод — и к ребятам. Дескать, братцы, подвиньтесь, дайте с вами. С тех пор вот держусь за цех — руки дрожат. А ты говоришь — свинкой!

— Да ладно! — нахмурился я.

— Поварить хочешь? — спросил он, видимо, желая сгладить зину.

— Конечно! — обрадовался я.

Я уже давно думал об этом, только не решался просить у него. Игнат зажег горелку, отрегулировал и передал мне ее вместе с черными очками. В очках, оказывается, можно спокойно смотреть на пламя. Игнат взял два куска трубы, состыковал их и скомандовал:

— Вари!

Я подставил конец проволоки, навел на нее огонь, но, может, от того, что дрожали руки, проволока все никак не плавилась, а когда она наконец расплавилась, то жидккая сталь шлепнулась в одно место, и точка. Теперь все надо начинать сначала.

— Не дрейфи! — кричал Игнат. — Держи ровней горелку и ниже, на одном расстоянии... Ну, вот видишь, получается, молоток, вырастешь — кувалдой будешь!

Перед самым обедом явился пожилой сантехник,

которого Игнат обозвал Тахтой. Он не спеша подошел к нам, приставил к стене свой железный ящик для инструмента, тяжело опустился на него, неторопливо достал сигарету, закурил и только тогда медленно произнес:

— Петрович приспал на помощь. А ты, малый,— он повернулся ко мне,— можешь теперь идти на участок.

Честно говоря, мне не хотелось уходить от Игната. С ним было нескучно, он не задавался, даже разрешал варить. И ребятам можно будет небрежно рассказать об Игната. Я посмотрел на него. Он сделал вид, что не слышал Тахты. Я с грохотом склонил с плеча трубу и стал собираться. Игнат убавил пламя в горелке и повернулся к мужику:

— Вот что, Тахта. Скажи Петровичу, что мы сами управимся. Пусть он лучше тебе даст работу,— и скомандовал мне: — Давай трубу!

Я обрадованно потянул ее к нему.

— Мне что! — протяжно сказал Тахта.— Меня приспал мастер. Не хотите, как хотите! Покурю и пойду.

Сказав это, сантехник неожиданно уронил голову на грудь и тут же мгновенно здралась. Я изумленно выпаршил глаза, потом толкнул в плечо Игната. Он осторожно передал мне горелку, а сам на цыпочках подкрался к дремавшему сантехнику и что было сил хрикнул ему на ухо:

— Встань! Смирно!

Тахта пулев взлетел вверх, вытянулся и немигающе, испуганно выпучил глаза. Поняв, в чем дело, Тахта зиновато улыбнулся и бросил беззубко:

— Вот дураки! Как дети, ей-богу! — И, подхватив свой железный ящик с инструментом, ушел.

Когда мы возвращались с Игнатом в цех на обед, я спросил:

— Почему вы его прозвали Тахтой?

Он махнул рукой.

— Да ну его. Сачок. Работать не хочет. Где сидит, там спит. На работе мечтает о тахте, а на тахте мечтает о работе.

Радно передавало заводские новости. В углу, у крайнего верстака, дерка в одной руке полбагона, а в другой огромный кусок колбасы, на скамейке дремал Тахта. Вся бригада уже была в сбое. Ели бутерброды, прихлебывая из бутылок молоко, и, конечно, «забивали козла».

Вообще-то рабочие чем-то были похожи на нас, ребят. Обращаются друг к другу не по имени, а по кличке. Например, сантехника Васильевского называли прозвищем «Понимаешь» за то, что он это через каждое слово повторяет. Несмотря на свои сорок девять лет, Васильевский холостяк, домой ему спешить незачем, и, если его не отгонять от работы, будет упираться до двенадцати ночи.

Есть в бригаде и легендарная личность — Тетя Петя. К нему со всего завода мужчики приходят деньги одолживать. Никому не откажет. Только предъяви, как на проходной, пропуск — он в тетрадочке карандашком фамилию нацарапает и выдаст деньги. Но если с получки или с аванса на день просрочишь — больше не подходи, банк закрыт. А имя свое Тетя Петя добыл, когда женщины за его щедрость душевную к их мужикам избили. Избили и пригрозили, что если он еще будет одолживать, то лишился кое-каких своих достоинств. Суровая угроза подействовала, и три месяца мужья этих налетчиков со вздохом и недоумением отходили от Тети Пети без копейки. Потом кто-то узнал от супруги правду, рассказал друзьям по несчастью, и мужья дружно отомстили за Тетю Петю. Затем месяца каждый из них ходил к нему и уговоривал ничего на свете не бояться и чувствовать себя мужчиной.

Не забыли в бригаде и литературу. Свой выбор остановили на Николае Васильевиче Гоголе и нарекли двух членов бригады Бобчинским и Добчинским. Однако, несмотря на пестроту жизненного материала, всех членов бригады роднит, пожалуй, одно — желание заниматься своим делом. Вымпели на верстаках, переходящее знамя в углу, на стенах приказы с благодарностями и материальными поощрениями лучше всего характеризуют трудовой энтузиазм и глубокие знания сантехников.

Как только мы появились на участке, Игнат с ходу кинулся к столу, где его уже ждали трое доминоников.

— Как дела? — спросил Игната мастер Петрович, перемешивая костяшки.

— Восемь стыков уже готовы! — небрежно бросил Игнат, разворачивая бутерброды.

— Ну-ну! — довольно буркнул Петрович и кивнул в мою сторону: — А этот больше не отчебучил ничего смешного?

— Нет! — промычал Игнат, жуя. — Старается во всю! Вот только говорит, в детстве болел часто!

Он посмотрел в мою сторону, подмигнул и глухо замычал полным ртом. Я отвернулся.

На участок осторожно вошел Мальчоныш. Увидев меня, он заговорщики помахал рукой и, когда я подошел, спросил:

— Обед начался?

Я кивнул.

— Тогда пошли на улицу. Глотнем солнца и воздуха... Слушай, — восхликал он, как только мы высыпались из цеха. — Это ведь ужас! Они там акалывают, как звери!

— Ты про кого?

— Про женщин. Они цепи собирают. Для разбрасывателей. Вначале я думал — работа чепуховая. Потом попробовал — одну десятую их нормы выполнил. Они говорят, что мужики пытаются с ними тянуться — сдались. А их бригадир, молодая тетка Ирина, говорит, что мужики вообще работать не умеют. Конечно, с ней равняться никто не может. Она, знаешь, Дик, все время хохочет, а руки у нее — не успешишь, скажут, как сумасшедшие.

— Что же ты хочешь, — пожал я плечами и, как маленькому, объяснил: — Пролетариат — передовой класс!

— А мужчины? Они, что же? Не пролетариат? Или не самые сознательные?! Да если хочешь знать, моя Ирина любых трех мужиков за пояс заткнет!

— Заткнет, ну и ладно! Ты что-то горячишься! Лучше скажи, где парни.

Мальчоныш, улыбаясь, начал докладывать:

— Значит, так. У Сэма и Билля срочная работа сверла помают. Академик одному парню физику объясняет. А Дипломат на каре в яму влетел. Его вытащили, и он теперь свою «Чайку» дрант.

Из цеха вышли Игнат и мастер Петрович. Они возбужденно переговаривались.

Мальчоныш схватил меня за руку и, не отрываясь, проводил взглядом уходящего мастера.

— Ты что? — удивился я.

— Слушай, Дик, кто это? — тихо спросил Мальчоныш.

— Наш мастер.

— Мастер. Правильно! Точно! Да ты знаешь, кто это? Муж нашей Анны Андреевны!

— Математички! — ахнул я.

Он кивнул.

— Врешь!

Мальчоныш обиженно посмотрел на меня.

— Да я его за версту узнаю! Он это! И надо обязательно парням сообщить!

II После работы нас всех на проходной обычно терпеливо ждет Гер Герыч. Вот и сейчас промстился на подоконнике и покорно тянет лямку руководителя практики. Многие уже явились и шумят с такой энергией, что становится страшно. Чем же они занимались целую смену, если могут еще так разиться? Никакой на лицах рабочей усталости, никакого торжественного удовлетворения от трудового дня. Сплошная ревность тунеядцев.

— Все в сбое! — спросил Гер Герыч, когда мы с парнями появились в проходной.

Со всех сторон понеслось:

— Саньки Рюмова нет!

— Весениной!

— Пошли! Чего там!

— Есть хочу!

— Семеро одного не ждут!

В проходную забежал запыхавшийся Санька Рюмов. Его, понятно, встретили дружным рычанием.

— Чего я сделал? Я убрал свое рабочее место — оправдывался он плаксиво.

Осталось дождаться только Маньку Весенину. Класс уже серьезно нервничал, да и Гер Герыч бросал нетерпеливые взгляды на дверь. Однако обычно мы дожидались всех. Наконец появилась и она. В руках у Маньки был большой бумажный пакет. Увидев нас, она обрадованно заулыбалась, затем смущенно покраснела.

— Ой, вы идете меня! Извините. Я цветы упаковывала! Понимаете, они больные!

Последние слова ее потонули в шуме сердитых голосов. Гер Герыч ткнул пальцем в центр группы и воскликнул:

— Ну, теперь, кажется, все! Можем идти!

Нам очень нравилось высыпать из проходной всем классом — в центре улыбающийся Гер Герыч, а вокруг него, заполнив чуть ли не всю улицу, мы.

Однако на этот раз, как только мы выбрались на улицу, Гер Герыч прошел немного с нами, а затем вдруг остановился.

— Уважаемый рабочий люд! Дальше уж следуйте без меня!

Послышались обиженные голоса:

— Не-е-ет!

— Мы не отпустим вас!

Гер Герыч засмеялся.

— У меня сегодня, ребятки, некоторым образом небольшой праздник! — Он извлек из кармана желтый ключ и поднял его над головой. — Как вы правильно догадались, это ключ! Ключ от квартиры. Мне сегодня его вручили. Так что позвольте не сопровождать вас, ибо я еще толком не осмотрел свою собственность.

Нашему крику позавидовали бы на хоккейном стадионе. Со всех сторон понеслось:

— Поздравляем!

— Ура!

Мальчоныш бросил мне негромко:

— Это к свадьбе!

А Дипломат заорал:

— Герман Германович, и мы к вам!

Класс ревом поддержал Дипломата. Гер Герыч, улыбаясь, жмурился от крика, затем поднял обе руки.

— Да у меня голые стены! Ни мебели, ни посуды!

— А мы только посмотрим квартиру! — крикнул Академик.

— Айда! — отчаянно махнул рукой Гер Герыч.

Если бы можно было, мы бы, кажется, сейчас запели на ходу песню. Что-нибудь вроде «В нашем до-

ме появился замечательный сосед». Вообще-то надо сказать, что Гер Герыч умеет ловко высекать искры из наших душ. Еще давным-давно, когда мы учились в четвертом классе, Гер Герыч доказал нам, что лучшего человека на свете, чем он, нет, не было и быть не может. А случилось это так. Заболела Анна Андреевна, и уроки по арифметике стал вести Гер Герыч. Для нас он тогда был учитель как учитель. Может, лучше готовился дома и тем самым увереннее, чем Анна Андреевна, объяснял новый материал. В те времена мы еще в психологию не углублялись. И вот однажды высыпали мы после занятий из школы и акнули. Наш новый учитель арифметики стоял с гордым видом в белом шлеме, в огромных, как у автоинспектора, рукавицах, поверх его обычных очков были напялены большие очки, вроде летних, времен Чкалова. У ног Гер Герыча стоял серый мотороллер. Машина была новенькая, и учитель, видимо, гордился ею не меньше, чем со-бою. Он ходил вокруг нее с таким видом, словно перед ним стоял персональный крейсер. Ходил-то он вокруг нее, а посматривал в сторону школы — не увидят ли это чудо века. Мы, конечно, тут же клюнули, в один миг наш класс плотным кольцом обступил машину с хозяином и распахнул от изумления рты. Удовлетворив свое тщеславие, Гер Герыч дрыгнул ногой, и мотороллер ретиво затарахтел. И тут новый учитель повернулся к одному из нас и царским жестом предложил:

— Садись, прохачу!

В жизни человеку дважды такое счастье не приносит. Может, поэтому Гер Герыч еще не успел договорить свое приглашение, а счастливчик уже сидел за его спиной. На углу они лихо развернулись и покатили назад. Гер Герыч обратился ко мне:

— Теперь садись ты!

Нас в классе было тридцать. И тридцать раз Гер Герыч гонял до угла и обратно.

— Ну, кажется, все! — воскликнул он радостно, когда подвез последнего счастливчика к нам, затем поднял руку в автоинспекторской перчатке и скомандовал: — Теперь по домам, и за уроки! — И исчез, как добрый волшебник.

Разумеется, на следующий день мы схватили в общей сложности по всем предметам около пятнадцати двоек. Потому что никаких других предметов, кроме арифметики, не учили. Гер Герыч еще несколько раз катал нас на своем мотороллере, и те годы нам этих нескольких раз хватило, чтобы весь класс стал признавать в жизни только Гер Герыча, арифметику и мотороллер.

Нам уже стали попадаться следы бывшей стройки, когда Дипломат толкнул Сэма и Мальчоныша и сказал:

— Парни, с пустыми руками в новую квартиру не ходят!

— Что ж ты предлагаешь? — строго посмотрел на него Сэм.

— Нужно хлеба и соли!

Мальчоныш обрадовался.

— Эту прекрасную традицию я поддерживаю даже пустым желудком!

— И пустым карманом! — вздохнул я.

— Надо собрать у кого сколько имеется!

Мальчоныш ринулся к Билью, который что-то звали Жанке и Вернисажевой. Мальчоныш шепнул ему, Билья смыршился, вздохнул и полез в карман. Мальчоныш тут же бросился в магазин.

Чуть в стороне от всех вышагивал Академик с Манькой. Он нес ее пакет. Манька, улыбаясь, что-то рассказывала, а он сиял очками, как герой медалями.

Наконец Гер Герыч остановился у нового пятиэтажного дома и повернулся к нам.

— Ну что, войдем?

— Да-а! — разнунул воздух дружный ответ.

— Может, в другой раз? — улыбнулся Гер Герыч.

— Не-е-ет!

— Ну, смотрите! — Гер Герыч ткнул пальцем в центр оправы и повел нас в дом.

В квартиру ворвались гурьбой и уже от двери, еще ничего не видя, начали ахать от восторга. Затем, как муравьи, расползлись по комнатам, на кухню, в ванную. Со всех сторон понеслись возбужденные голоса:

— Герман Германович, а ванна большая, и вода уже есть!

— А шкафчики-то вмонтированные!

— Герман Германович, а балкон какой шикарный — обалдеть можно!

Кто-то дернул ручку в туалете, послышался веселый шум обрушившейся воды. Гер Герыч отвечал на восторги растерянной улыбкой, кивал головой, смеялся и все повторял:

— Действительно, обалдеть можно!

Когда в большой комнате собралась почти весь класс, Мальчоныш закричал:

— Тихо! Тихо! — и, дождавшись относительной тишины, обратился к хозяину: — Уважаемый Герман Германович, пусть в этом доме у вас всегда будет такое настроение, чтобы вы могли ставить нам только плакаты. С новосельем вас!

Вперед выбралась Биль и развернула большой пакет. В нем лежали две буханки черного хлеба и пачка соли. Если учесть, что мы после работы, то можно понять, почему поднялся такой радостный крик. Биль отломила большой кусок и вручил его Гер Герычу. Затем начал отламывать для других. А Мальчоныш закричал по-купечески «Эх», стал извлекать из карманов булочки и раздавать их девочкам.

— Хочу я видеть, — тихо сказал Сам, — как они будут макать сдобу в соль!

Академик отломил половину от своего черного куска и что-то шепнул Маньке. Она улыбнулась и протянула ему булку. Они обменялись кусками и засмеялись. Я переглянулся с Мальчонышем, который тоже наблюдал за этим обменом. Он пожал плечами.

— Ну как, понравилась квартира? — весело спросил Гер Герыч, дюйм хлеб.

Сразу несколько голосов ответили:

— Конечно!

Гер Герыч кивнул.

— И мне нравится. Когда учился в институте, я думал: ни за что не обзаведусь собственной квартирой. Ну ее. Буду жить в общежитии всегда. Чтоб, значит, среди людей только быть. Даже у матери, где я сейчас живу, мне часто становилось холодно. А вот теперь...

— Человеку одиночество необходимо! — философски заметил Биль.

— Да! — взглянула на него Гер Герыч. — А зачем?

— Ну как! — удивился Биль. — Да хотя бы отдохнуть в конце концов от людей. После отдыха их крепче любить будешь!

— Отдохнуть? Нет, ребятушки мои дорогие! Нехорошо отдохнуть от людей! Страшно! Можно замерзнуть. Да, да, именно замерзнуть в солнечный день у всех на глазах. За какими толстыми стенами вы бы ни жили, какими бы прекрасными и богатыми вещами себя ни окружали — будь то шкафы или посуда хрустальная, ковры или пластинки, книги или картины — нужно всегда держать связь с людьми. Чтоб какая-то ниточка тянулась от вас к людям. Лопнет эта ниточка — и все, считайте, что пропали. Впро-

чем, ладно... А скажите мне, други мои, какую мебель вы посоветуете приобрести?

— Я думаю, Герман Германович, — решительно начала Жанна, — сюда можно поставить журнальный столик, два кресла и торшер. — Она ходила по комнате и указывала: — В этот угол телевизор на ножках, здесь должен стоять диван с такой же обивкой, как на креслах. А на полу большой яркий ковер.

— И несколько пушников. Сейчас это модно! — добавила Вернисанжева.

— Нет! — вскричал Сам. — Чепуха! Получится не комната, а гостиничный номер. Ладно, пусть в этом углу останется журнальный столик и кресла. Пусть. А диван отсюда — за окно, пушки — за окно, ковер — за окно. Вместо дивана лучше всего подойдет большая книжная полка.

— Можно даже с книгами! — добавил Мальчоныш.

— А на стену, — повысил голос Сам, — картину!

— «Три богатыря», — подсказал ехидно Биль.

— Зачем? — Сам повернулся к нему. — Какуюнибудь теплую. Серова, Левитана, можно что-нибудь из импрессионистов — Гогена или Ван-Гога!

— Так! Спасибо, ребятки, за советы! — Гер Герыч ткнул пальцем в центр оправы. — Как видите, куда ни повернешься, везде нужен вкус. Или, точнее, чувство прекрасного. Обставить квартиру, красиво одеться — все должно совершаться по законам эстетического вкуса... Вот вы сейчас, ребята, работаете на заводе. А обратили внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь? Если человек хорошо работает, умеет трудиться, у него всегда замечательное настроение. Он и поет, и насвистывает, и шутит. А почему? Да потому, что спорый труд пробуждает в человеке чувство прекрасного. Ну, а если какой-то рабочий — лентяй, халтурщик, то он уж такой зануда, что ой-ой-ой!

Мы засмеялись.

— Это вы правильно сказали, Герман Германович, — воскликнула Манька. — Вот когда меня на завод отправили цветочками заниматься, я вначале ужасно расстроилась. Даже плакала. Думала, невезучая, все работать будут, а я одна глупостями занимаюсь стану. Ну, зачем на заводе цветочки? Кому они нужны? А потом посмотрела, сколько народа на цветы любуется, как в обед тянутся отдыхать поближе к клумбам, интересуются названиями... Знаете, у них, мне кажется, в это время даже усталость с лица исчезает. Вот я тогда подумала: это очень здорово, что на заводе много цветов...

Манька неожиданно замолчала, покраснев и, смущенно улыбаясь, посмотрела на Академика. Кажется, если собрать все слова, произнесенные ею за всю жизнь, их не наберется столько, сколько она выдала сейчас. Может, поэтому все с восхищением смотрели на нее. А Академик так даже рот раскрыл.

— А я как пришел на завод, — воскликнул Мальчоныш, — так начал к женщинам относиться иначе! Они ведь работают лучше любого мужика. На обед идут минута в минуту, домой собираются — до секунды отработают. А как работают! В общем, женщины — это самый высокосознательный народ! Вот взять, например, нашу бригадиршу Иру. Работает за троих мужиков и еще сил хватает весь день ходить. Тридцать лет всего, а директор завода ее руку своим двумя пожимает. Честное слово!

Неожиданно в дверь позвонили.

— Герман Германович, мы пойдем! — сказал Академик.

— Ну хорошо, ребятки! Спасибо вам большое! До завтра!

Вытянувшись в длинную цепочку, мы по одному проходили мимо Гер Герыча и незнакомой фигуры, стоявшей в дверях.

По лестнице мы неслись так, что лучшего испытания на прочность дома придумать невозможно. На улице все, конечно, быстро разбежались. Кроме парней, разумеется. И девчонок — Жанки, Маньки и Нинки Вернисажевой. Судя по всему, Жанка на меня дуется за то, что я не крестился около нее по дороге к Гер Герычу и у него дома не вздыхал печально ей в ухо. Во-первых, мне просто неудобно при всех; а во-вторых, хочется посмотреть, что получится у Биль — ведь он всю дорогу заигрывал с ней. Кстати, и сейчас она собирается демонстративно идти с ним домой. Нинка Вернисажева ждет Сэма — так мне кажется, — ведь им по дороге. Ну, а Манька, может, и давно бы ушла, но Академик держит ее пакет с большими цветочками. Держит осторожно, словно динамит. Я извинился перед девами и отозвал парней в сторону.

— Нам надо решить, что делать с мастером Петровичем!

— Обязательно! — бодро воскликнул Мальчиныш.

— И решим! — уверенно пообещал Сэм, оглядываясь на Вернисажеву.

— А что если отбросить все эстетические принципы, о которых говорил Гер Герыч, — воскликнула Биль, — и надавать ему по шее? За Анну Андреевну, за наши двойки и за двойки будущих поколений!

— Я думаю, тут спешить нельзя, — выдавил Академик, глядя мимо нас на Маньку.

— Точно, Дик, — сказал насмешливо Дипломат, кладя мне руку на плечо. — Сейчас предложи им его арестовать, и они с радостью согласятся!

Твои шуточки, Дипломат, не достойны Организации Объединенных Наций, — обиженно сказал Академик и, поглядев на нас, вдруг робко пробормотал: — Парни, я... в общем, если смотреть в корень, то... я пошел. Ладно? А завтра мы обязательно что-нибудь придумаем.

Последние слова Академик говорил уже, стоя около Маньки. Они дружно крикнули нам «Чао!» и быстро ушли.

— Ну что же, раз Академик ушел, — сказал весело Биль, — все срываются! А жалко!

Он кинул нам и поскорее отошел к Жанке. Она нерешительно смотрела на меня. Я отвернулся. А когда взглянул на них, то увидел уже только их спины.

— Значит, до завтра! — протянул мне руку Сэм. — А то еще домой заглянуть надо. Тренировка сегодня.

— И я пойду! — бросил Мальчиныш на ходу, пропуская за Сэма и Вернисажеву.

На троллейбусной остановке мы расстались с Дипломатом. Он погрузился в общественный транспорт, а я пошел домой пешком.

Седоватая мгла вечера уже накрыла город. На улицах полно народу, как обычно бывает в час пик, когда все возвращаются с работы.

Дома я застал Игоря и Вери. Игорь разобрал три утюга и теперь собирая из них один действующий. Вера писала письмо родственникам, которых у нас, наверное, пол-Союза.

— Ты что, заболел? — удивленно поднял голову Игорь.

— Нет, а что? — опешил я.

— Ну как же! — пожал он плечами. — Восемь часов, а ты уже дома! Завтра обязательно сходи к врачу!

Я ушел в свою комнату, и, когда лег спать, вошел Игорь. Принес телефон. На ночь телефон всегда ставят в мою комнату, потому что ночью могут позвонить только мне. Игорь подошел к моей кровати, присел и серьезно спросил:

— Что с тобой сегодня?

— Все в порядке,

— С ребятами поссорился

От удивления я сел.

— С чего ты взял?

— Показалось! — ложал он плечами.

— Да мы вместе у Гер Герыча сейчас дома были!

— Ну и хорошо! — сжался он моментально. — Это очень хорошо! Ребята они стоящие! Держись их. Обязательно. А я подумал: раз так рано вернулся, не иначе как... Ну, ладно. Спокойной ночи, сын!

Я уже заснул, когда зазвонил телефон. Говорил Мальчиныш.

— Дик, слушай, — шептал он в трубку, так как его телефон стоит в столовой, где спят сестры. — Ты не обижайся, что я так ушел сегодня. Ладно?

— Как? — не понял я.

— Ну, понимаешь, — шептала в трубке. — Мы все ушли, даже Жанка, а вот ты остался!

— Так я же с Дипломатом был! — не понимал я.

— Конечно... Только, знаешь, ну... ты же хотел поговорить с нами, а мы... И Жанка... Дик, мне холодно, я босиком и в трусах... Не обижайся, ладно? Спокойной ночи, Дик!

Черт, у меня что-то в груди перехватило.

— Спокойной ночи, Эдик! — сказал я взволнованно. — Я не обиделся.

Не успел я еще как следует успокоиться от разговора с Мальчинышем, как вновь раздался звонок. На этот раз звонил Сэм.

— Ты знаешь, Дик, что я подумал о Петровиче, — начал он без всяких вступлений. — А если мы обратимся в заводскую печать?

— Эта мысль пришла тебе на ринге?

— Нет, я давно с тренировки. Значит, не годится! Ну и ладно, подумаю еще! Да, кстати, Дик, надеюсь, ты там не в гневе, что мы так скромно ушли? — голос Сэма звучал наигранно бодро.

— Все в порядке, Сэм! — успокоил я. — На вашем месте я бы поступил точно так же! Спокойной ночи, Сэм!

Быть позвонил минут через сорок, когда я уже совсем засыпал.

— Могу тебя поздравить, Дик! Я склонялся по роже — тараторил он. — Мы весь вечер с ней проговорили о тебе. Представляешь, как мне было интересно! Ужасно! Ты только, Дик, не сердись на меня. Такие случаи бывают в жизни! Не веришь? Возьми подписанное издание Всемирной литературы и в каждом томе найдешь подобную ситуацию!

— Сейчас посмотрю, — вздохнул я.

— Нет, Дик, правда! Ты никогда не замечал, какая у нее суровая и безжалостная рука? И силы сколько! Боже! Думаю, ты не в большой обиде на меня? ЧАО, Дик! Пусть тебе приснится моя опухшая щека!

— О'кэй, Биль, спокойной ночи! А насчет щеки — плюнь! У тебя еще одна есть.

Милый Биль! Видимо, полез целоваться и получил

Наконец я заснул. И вдруг резкая трель телефона разбудила меня. Я взглянул на часы. Было два часа ночи.

— Дик, пойдем погуляем, а? — раздался в трубке веселый голос.

— Кто это? — не понял я спросонья.

— Дик, это я, Академик! Пойдем, Дик, погуляем. Ночь — свихнуться можно! Луна светит вовсю. Дик, я все равно не усну. Пойдем. Понимаешь, она отличная девушка. Умница. Конфуций, Гораций и Ньютон! Все вместе! Мы с ней только сейчас расстались, Дик! Ты не имеешь права спать. Вставай и заходи!

— Слушай ты, микроб весенний! — негромко произнес я. — Хромай спать! А если не можешь уснуть, позвони парням! Я, как ни странно, люблю ночью спать!

— Я понимаю, Дик! И парням я, конечно, сейчас позвоню! Слушай, Дик, а когда целуются, зубы снимают или разжимают? Ты меня должен обязательно научить. — В трубке раздался сдавленный смех. — Дик, ну выйди, а!..

— Спокойной ночи, идиот! — крикнул я в трубку и отключил телефон.

Я укрылся одеялом с головой и попытался уснуть. Однако сон долго не шел. Мешала улыбка, которая, я чувствовал, рассекла мою физиономию от уха до уха.

7

Мне всегда интересно наблюдать, как в гардеробной завода преображаются люди. Вот появился солидный мужчина. В шляпе, белой рубашке с галстуком. А другой — так и с огромным портфелем, ни за что не узнаешь! Министр — да и только! В крайнем случае — замминистр! Но вот министр начинает постепенно преображаться. Напяливает рабочие брюки и толстые ботинки, и уже что-то знакомое проступает в нем. Кажется, где-то ты этого товарища видел. А может, даже он и за руку с тобой здоровается. Затем натягивает на себя старую толстую рубашку, куртку, зажимает под мышкой огромные рукавицы, надевает фуражку, и ты уже видишь, что это совсем не министр и даже не замминистр, а просто Тетя Петя или еще кто-нибудь из сантехников.

Первое, что я сегодня услышал, входя в гардероб, это широкий, щедрый хохот. Смеялся, конечно, Игнат. Напротив его шкафчика раздевался Василевский. Брюки он уже снял, сидел в рубашке с галстуком и в зеленой шляпе. Василевский, улыбаясь, смотрел на Игната.

— Так ты что? — сквозь смех спросил сварщик. — Прямо из запа и убежал от нее?

— Ну да! — спокойно кивнул Василевский, развязывая галстук. — В темноте-то, понимаешь, оно сподручней!

— Так меня же моя старуха зашибет! — натягивая брезентовую куртку, вскричал Игнат.

С другого конца гардеробной сантехник Иван Семенович спросил:

— Что, Игнат, сватал его своей жене?

— Да нет, — повернулся к нему Игнат. — Ее сестре. Чуть, значит, родственниками не стали. Договорились, что я его познакомлю с жениной сестрой. Ну, купил два билета в кино. Один ей дам, другой — ему. Научил, как действовать. Мол, придиши, сядешь рядом. Она, значит, будет спрашивать — смотри не перепутай! Потом заговори, дескать, привет вам от Игната. Ну, а после кино поведи ее куда-нибудь!

— А куда? Куда? — горячо воскликнул Василевский, обращаясь ко всем. — Куда можно пойти?

— Да хотя бы в столовую! — предложил Тахта.

— На троллейбусе покатал бы! — посоветовал Тетя Петя.

— Да ты бы взял бутылку и ко мне пришел! — с отчаянием воскликнул Игнат. — И тебе хорошо, и мне приятно!

— Ну вот еще, к тебе! — растерянно бормотал Василевский, видимо, оценивая про себя этот вариант, и уже взял добавил: — А я, понимаешь, думаю,

поведу ее еще раз в кино. А потом решил: да ну ее, взял и утек!

Дружный хохот потряс гардеробную.

На участке нас уже ждали Петрович и Бобчинский с Добчинским. Взглянув на Петровича, я ахнул. Вздувшиеся мешки под красными глазами, потрескавшиеся губы и серо-землистое лицо говорили о том, что, если бы у нас сегодня была математика, нам бы крышка.

Все разбрелись по своим верстакам и, рассевшись, уставились на мастера. Я стоял у верстака Игната. Он чуть сдвинул со стула и кивнул:

— Садись, практиканты!

— Да ничего! — махнул я рукой, хотя, если честно признаться, его забота мне была приятна.

— Садись, садись! — потянул он меня за руки. — Как в школе, на одной парте будем!

Я сел.

— Значит, так, хлопцы, — взял обратился ко всем Петрович. — Сегодня у нас срочная работа. Надо заварить змеевик в третьем бойлере, а заодно уж и все почистить. Сделать нужно до обеда. Работать будем бригадой.

Для меня слова Петровича: бойлер, змеевики — словно язык эсперанто. Однако по лицам сантехников я понял, что работа предстоит сегодня не сахар.

— А если не успеем до обеда? — спросил Игнат.

— Тогда до конца смены не нагреется вода. Рабочие пойдут домой грязные. Будет шум. Не видеть нам первого места! В общем, сами знаете, что будет! Надо успеть! Воду из бойлеров ребята уже выпускают. — Петрович кивнул на Бобчинского и Добчинского.

— Сделаем! — поднялся Иван Семенович. — Нечего лясы точить!

Все разом с шумом поднялись, и участок ожила. Заскрипели выдвигаемые из верстаков ящики — каждый отбирал нужные ключи, молотки, напильники, крючки, лен, красную краску и складывал в ручной ящик для инструментов. В движениях людей появилась собранность, разговаривали друг с другом по-деловому, серьезно, и трудно было поверить, что только что балагурили в гардеробной. И еще мне показалось, что сейчас мастер Петрович как бы отступил на второй план, и все обращались к Ивану Семеновичу.

Игнат отправился за карбидом.

Петрович сидел у верстака Ивана Семеновича и явно отвечал на какие-то вопросы. Вдруг мастер повернулся ко мне и сказал:

— А ты давай в бойлерную. Будешь помогать там Егорову и Семенову.

Бойлерная — это большое помещение, где висят четыре огромные длинные бочки, напоминающие чем-то огурцы. Бочки сплошь переплетены трубами. По одни идет холодная вода и пар, подогревающий эту воду, по другим — с помощью насосов качается вода во все душевые завода, а также в столовую, прачечную и в гаряч.

Когда я появился, в бойлерной стояла жара — дышать нечем. Из бочек выпустили всю горячую воду в сточную яму. Бобчинский и Добчинский, раздевшись по пояс, испытывали пресс. Они заливали в него воду, затем вручную откачивали ее.

— К вам прислали! На помощь! Что делать надо? Они переглянулись.

— На помощь, говоришь? — переспросил Бобчинский. — Это хорошо! Значит, будет порядок! Берите ведра и заливайте воду вот в эти бойлеры! — Он кивнул на бочки.

— Да смотри, старайся как следует, работы сегодня очень много! — подхватил Добчинский.

Они еще раз переглянулись, и в их глазах запрыгали веселые искорки. Я усмехнулся. Оба они немножко старше меня, а почему-то решали, что перед ними созревший идент, раз так примитивно хотят разыграть. Петрович сказал, что они воду из бойлеров выпустили, а теперь эти два скомороха хотят, чтобы я ведрами обратно в них наливал. Даже если и правда, для этого бы понадобилось, пожалуй, ведер шестьсот. Оба затянув дыхание ждали, когда я приступлю к делу.

— Одним или двумя ведрами? — простодушно спросил я.

— Конечно, двумя! — отозвался быстро Бобчинский. — Ты же слышал, как мастер говорил: до обеда надо закончить!

— А как лить и куда? — сделал я нанесенное лицо, беря два ведра, стоящие в углу. — Вы покажите вначале.

Предвидя веселые минуты, оба с готовностью выхватили у меня ведра, наполнили их водой и полезли на бойлеры.

— Вот здесь сверху есть дырочка! — крикнул по дороге Бобчинский.

— Заливай, пока не начнет булькать! — крикнул сверху Добчинский.

Еще сдерживая смех, они демонстративно принялись лить воду из ведер в сбросные клапаны. Вдруг послышались топот и голоса. В бойлерную ввалилась чуть ли не вся бригада. Увидев Бобчинского и Добчинского под потолком, оседлавших бойлеры и льющих в сбросные клапаны воду из ведер, все застыли от удивления.

— Вы что там делаете? — спросил наконец Иван Семенович.

Я повернулся к бригаде и объяснил:

— Да вот водой наполняют бойлеры. Говорят, к обеду кончат. Никак не втолкну им, что это идиотизм. Помогите хоть вы.

Бобчинский и Добчинский, застынув, сидели на бойлерах; каждый держал обеими руками ведро и ошалевшими глазами смотрел на всех сверху вниз. Первым, конечно, зевнул от холода Игнат. Затем заголосили и остальные. Даже Тахта, потрясывая плечами, издавал ленивое «ххх-ххх». Оба друга с грохотом поскользнувшись сверху ведра и, краснея, стали слезать с бойлеров.

— Мы хотели его разыграть! — смущенно бубнил Бобчинский.

— Он даже согласился! — оправдывался Добчинский. — Надо было только показать ему!

— Ай, практиканты! — хлопал меня по плечу Игнат. — Ай, молодец! Двонх в дураках оставил!

Я невозмутимо смотрел на всех. Но тут Иван Семенович отбросил скурок и серьезно сказал:

— Ну что, братцы! Покурили и будя!

Он спокойно распределил людей по бойлерам — и началось. Работали все, даже Игнат, пока не требовался сварочный аппарат, орудовал гаечным ключом.

Я ни разу еще не работал с бригадой и даже не имел представления, что это такое. Когда знакомился с РМЦ, мне показалось, что рабочие похожи на муравьев. Теперь же я сам превратился в подобного муравья. Или нет, не в муравья. В частицу коллектива. В первую минуту все небрасываются на работу лихо, с каким-то широким размахом, затем темп резко падает — работа упорно сопротивляется торопливому началу, необдуманному подходу. Но вот ритм налаживается, затем устанавливается, и тут ты уже ничего не чувствуешь, не замечашь, все вокруг исчезает. Ты сливаясь с окружающими людьми. В такие минуты рушится возрастной барьер, исчезают личные взаимоотношения, отступают ха-

рактеры, привычки. Никто не думает, что он работает больше, чем напарник, или лучше товарища. Здесь сейчас не было Васильевых, Иванов Семеновичей, Игнатов — сейчас был только колективный труд. Один зажимает гайку, другой отвинчивает болт, кто-то не может отбить фланец от фланца, ему протягивают кувалду и помех; тебе тяжело снять длинную трубу — три пары рук тянутся на помощь, у кого-то соскальзывает ключ — ты протягиваешь ему свой.

Около меня стояли Иван Семенович и Васильевский. Ударами молотков по зубилу они рассказали зияющие накипью гайки. После пятого удара каждая гайка пурпурной отлетала в сторону. Когда последняя гайка упала к моим ногам, Иван Семенович отбросил молоток и веселым голосом крикнул:

— У кого есть сигареты, айда отдохнуть!

Бригада не спеша отложила инструменты и, оглядываясь на бойлеры, медленно расселась. Бобчинский и Добчинский, накинув куртки, двинулись из бойлерной на воздух.

— Куда? — остановил их Иван Семенович.

— На свежий воздух, — удивленно ответил Бобчинский.

— С ума сошли! — рассердился Иван Семенович. — Радикулит хотите подхватить? Или воспаление легких? Распаренные — на воздух!

Бобчинский и Добчинский, вздохнув, присели в дверях.

В бойлерную влетел Петрович. Он оглядел всех и бодро воскликнул:

— Значит, мы сидим, а работа стоит! Невежливо, ай-ай-ай, как невежливо. Подъем, товарищи!

Он был энергичен и весел. В его голосе слышалась развязность. Глаза поблескивали. Мастер перевхватил мой взгляд.

— Ну как, воля? А тебя учитель искал. Наверное, боится, чтоб не отчебучил еще чего-нибудь смешного!

Кажется, он слегка под градусом. Не отводя от него взгляда, я вызывающе сказал:

— Пока еще не отчебучил. Но вы не бойтесь, может, потом вместе посмеемся!

По тому, как сузились его глазки, я понял: он что-то почувствовал. Однако виду не показал.

— Ну вот и спасибо, что успокоил меня! — бросил он и повернулся ко всем. — Хватит сидеть, времени осталось мало. Давайте, давайте!

— Ладно, начнем! — сказал Иван Семенович, и бригада разом поднялась.

Змеевики вынесли во двор, и все дружно набросились на них, скребками начали очищать накипь. Было тепло, светило солнце, легкий ветерок приятно охладил тело. Работать на свежем воздухе куда веселее. Послышался смех Игната. Кто-то стал насвистывать. Я оказался у змеевиков вместе с Бобчинским и Добчинским. Гоголевские герои работали молча. Но вот Бобчинский взглянул на меня и вдруг улыбнулся на все тридцать два зуба.

— Нет, хорошо ты нас купил! Молодец!

— Главное, взял недорого! — вздохнул Добчинский.

Я утвердительно кивнул головой.

— Так ты, значит, на практике здесь! На один месяц! Счастливчик! — причмокнул языком Добчинский, ловко вспарывая большой кусок накипи.

Мне всегда кажется, что такие ребята, работающие на заводе, смотрят на нас, сверстников, как на детей. Поэтому я сказал:

— Увольняйтесь. Поступите в школу, проучитесь до девятого класса, и вас тоже направят сюда!

Оба переглянулись, и Бобчинский воскликнул:

— А что, это идея! Вот только справимся ли мы?

Как ты думаешь? — Они насмешливо уставились на меня.

— Действительно, непохоже! — рассердился я. — Разве что до пятого класса дотянете!

Добчинский кувалдой несколько раз стукнул по змеевику, надеясь, что от вибрации накиль отвалится.

— Пока ты, парень, в своем девятом классе бороться, — обиженно произнес Бобчинский, — мы уже на втором курсе института. Если хватит извилин, сообрази, как с умными следуем разговаривать!

Подошел Иван Семенович.

— Ну как, молодежь? Скорее заканчивайте, сейчас назад потащим!

— Так у нас уже все готово! — сказал Бобчинский. Наш змеевик блестел на солнце, как полированый.

— Молодцы! — похвалил Иван Семенович.

За час до обеда, когда мы уже заканчивали работу, примчался Петрович. Он ворвался в бойлерную и зашумел:

— Ну как? Что? Кончаете? Давайте, давайте! Молодцы!

Пощетываясь, он лез ко всем, хватался то за молоток, то пытался затягивать гайки, давал советы, указания, командовал — словом, старательно мешал людям. Все терпеливо отмахивались от него, несильно вздыхали.

Но вот Иван Семенович отложил инструмент и сказал сухо:

— Ну-ка выйдите, Петрович!

— Куда? — не понял мастер.

— Выходите! — строго повторил Иван Семенович.

Все сделали вид, что заняты работой и ничего не слышат. Петрович пожал плечами и пошел вслед за Иваном Семеновичем. Василевский, затягивая последние гайки, ехидно сказал:

— Сейчас, понимаешь, Петрович получит похмелье!

— Надолго ли! — вздохнул Тетя Петя.

Я спросил негромко у Игната:

— А почему Иван Семенович так командует?

Игнат подмигнул.

— Парторг цеха!

Я обрадовался. Сейчас этому алкоголику попадет как следует! Работу мы закончили уже без Ивана Семеновича и мастера. Пустили пар, и бойлеры затрещали от конденсата.

Всю вторую половину дня я протаскал с Василевским дважды мовые трубы. Нас Петрович заставил. Теперь мастер ходил сосредоточенный и деловитый. Видно, Иван Семенович вправил ему мозги. Да же приятно смотреть на его грустное лицо.

И тут мне пришла отличная идея: а что если про мастера рассказать все Ивану Семеновичу? Как-нибудь, ведь он парторг!

Но когда я вечером сообщил свой план парням, Биль вспыхнул.

— Никакие парторги не нужны. Мы сами должны с ним посчитаться.

— Предлагаю, парни, — Академик очками, как лекарями, стал обводить наши лица, — собрать весь класс, позвать этого мастера и поговорить с ним.

— А если он не пойдет? — спросил Дипломат.

— Выкрась его! — воскликнул я.

— На этот грабеж я пойду с удовольствием! — заулыбался Мальчионьш, потирая ладони.

Сэм решительно воскликнул:

— Ну, а если и это не поможет, то я сам поговорю с ним!

Он сказал так твердо и уверенно, что хотелось побежать и поздравить Анну Андреевну.

8

самого утра я поцапался с Петровичем.

Когда он стал распределять работу, каждый слушал его внимательно, переспрашивал и понимающе кивал. Во мне все кипело. Как можно подчиняться такому двуличному и грязному типу? Да он не имеет права работать мастером. Ведь мастер на заводе — как учитель в школе. А значит, такого Петровича надо гнать в шею! За проходную. В душе моей все было. И, чтоб заглушить этот звон, я ни с того ни с сего со всей силы хватнул молотком, который был у меня в руке, по верстаку. Верстак железный, и удар прозвучал, как выстрел. Петрович, Иван Семенович, Василевский и Игнат от неожиданности одновременно вздрогнули и повернулись ко мне. Я не мог сдержать улыбки.

— Ты что, понимаешь, с ума сошел?! — звонкнул Василевский.

— Заболел, наверное! — хмуро сказал Игнат и тут же расцвел: — Свинкой!

Петрович повернулся к Ивану Семеновичу и ласково распорядился:

— Иван Семенович, молодому человеку, видать, силы дать некуда. Возьмите его себе!

Я взглянул на Петровича:

— Не себе, уважаемый товарищ мастер, а к себе! Социальная грамматика! Мы — люди! Или вы привыкли иметь дело с вещами, как на работе, так и дома?

Все с удивлением уставились на меня. Кажется, мастер сейчас вздрогнул гораздо сильнее, чем от моего удара молотком. Однако рядом стояли люди, и поэтому он, тяжело просверлив меня взглядом, повернулся к Ивану Семеновичу.

— Вот современная молодежь, — хрюкло сказал он. — Слово произнеси — искусят. Ну точно твой ерши!

— Да уж! — кивнул Иван Семенович. — На хлеб не клюют, подавай им только жирных червей!

Было непонятно: Иван Семенович соглашался или подначивал Петровича. Мастер сощурился, затем круто повернулся и ушел с участка. Игнат, Василевский потянулись за ним. Мы остались с Иваном Семеновичем на участке одни. Я посмотрел на него, он как ни в чем не бывало подошел к большому насосу и спокойно сказал:

— Давай поставим его на верстак.

Мы начали разбирать насос. Работали молча. Вместе откручивали шпильки. Я спешил, стараясь показать, что уже привык к инструментам, к работе. Иван Семенович, кажется, все делал медленно, с какой-то внешней безразличностью и даже равнодушием, однако работа у него двигалась намного быстрее. Вдруг он неожиданно спросил:

— За что ты его так?

— Кого?

— Петровича. Он ведь и старше тебя, и мастер, да и вообще...

— Да так... — взглянул я на Ивана Семеновича.

— Что-то ты, брат, темнешь, — снисходительно заметил он, вытаскивая из насоса старую прокладку. — Умничавешь!

— А здесь много ума и не надо! — спокойно ответил я, выбивая из насоса подшипники.

— Понятно! — не глядя на меня, так же спокойно кивнул он. — Так сказать, я грамотный, а вы здесь все черные лошади. Работайте, дорогие мамы и папы, а мы скоро кончим практику — и на солнце. Заводской труд не для нас. Мы будем инженерами или космонавтами. Э-эх, губят вас школа. Она ведь что? Заводом вас пугает! Как плохие родители капризных детей — милиционером. Чуть что сразу:

«Плохо будете учиться — после школы пойдете на завод». Или так: «Ребята, вы вначале в институт попробуйте, а уж если не поступите, тогда на заводе годик поколачивайтесь и опять пробуйте. Для института, ребята милые, упорство требуется, сила воли».

Говорил он спокойно, негромко, даже не глядя в мою сторону, будто для себя.

— Что же тут плохого? — так же, не глядя на него, спросил я.

— Да, конечно, ничего! — Иван Семенович плоским напильником зачищал ржавчину на насосе. — Конечно, ничего. Только, сдается мне, никому такие на заводе не нужны — всякие временные и прочие неучи. Сейчас окончивший десятилетку со средними отметками скорей поступит в техникум или там в институт, чем станет хорошим специалистом на заводе! Здесь, милок, все своими руками делай. На шпаргалку не надейся. Нет, конечно, оно можно и без десятилетки на заводе работать. Можно. Ремесленническую работу будешь выполнять. А чтоб уж толковую, так иди учись. Да без грамотности простую трубу как следует не загнешь.

На участке показался Петрович. Он подошел к нам и торопливо сказал:

— Иван Семенович, этого — он кинул в мою сторону — молодчика-пулеметчика я заберу от тебя. Работа срочная есть.

Петрович повел меня в сторону завоудуправления. Прошли немного молча, затем он негромко сказал:

— А ты, я вижу, бойкий парень!

— Такие наши годы! — небрежно пожал я плечами.

— Вот, вот. То с магазином накуролесил, теперь вот... — Он замолчал.

— Что теперь вот? — спросил я насмешливо.

— Болтаешь много! — сердито сказал он. — Что ты там пил насчет людей и вещей? Будешь, голубчик, болтать, устрою такую практику, что ты у меня не то что в вещь превратишься, а в вещество!

Мы остановились и с ненавистью смотрели друг на друга.

— Вы меня не пугайте, товарищ мастер! Я вам не жена! Или у вас хмель еще не вышел?

Он побледнел и тихо произнес:

— Вон ты как? Понятно, вояка! Ну хорошо!

Он подвел меня к Василевскому, который с грустным лицом ждал нас у завоудуправления.

— Вот, привел тебе помощника, — сказал ему Петрович, кивая на меня. — Вы уж как следует поработайте! — Он взглянул на меня насмешливо, повернулся и ушел.

Работу для меня Петрович откопал аховскую. Обладать можно. Предстояло проверить в завоудуправлении все смызные бачки в женских туалетах. Вместе с Василевским. Это был ответный выстрел Петровича. Даже залп. Осколки зацепили бедную Василевского. Ему, стесняющемуся говорить с женщинами, предстояло теперь страдать из-за меня. Если же я откажусь от работы, то у Петровича будут все основания вышвырнуть меня с участка как разгильдяя, не выполняющего задания мастера. И мы тогда не спасем Анну Андреевну.

— И много там этих смызных бачков? — виновато спросил я, когда мы направились к завоудуправлению.

Он грустно посмотрел на меня и вздохнул:

— На наш век хватит. При каждом учителе, понимаешь, есть!

Мы вошли в завоудуправление. Это — огромное пятиэтажное здание, где находится все заводское

начальство, бухгалтерия, касса и прочие нужные органы. Рабочие называют его «Белый дом». Где-то здесь работает и Академик.

Мы медленно поднялись на второй этаж. Длинный большой коридор запит дневным светом. По обе стороны коридора — кабинеты. В самом конце две глухие двери, на одной из них нарисован мужчина в элегантном смокинге, на другой — кокетливая женщина. Опасаясь, что кто-нибудь увидит, как мы влезаем в дверь, на которой висит изображение дамочки, я быстро схватился за ручку двери, но Василевский с ужасом вцепился мне в плечо.

— Стой! А вдруг там уже кто-то есть? — испуганно воскликнул он и покраснел, как рак.

Я отпрянул от двери, словно она была под напряжением. Мы переглянулись: что делать?

— Может, постучать? — неуверенно спросил он.

— Конечно! — разозлился я. — И будем ждать, пока нам ответят: «Входите!»

Мы стояли, как заговорщики, и смотрели друг на друга. Было стыдно, противно и тошно.

— А, черт, я постучу! — решительно воскликнул Василевский и направился к двери.

Он постучал, как по хрустальной вазе. Никто, конечно, не отозвался. Он постучал сильнее. Я предательски отошел в сторону. Он повернулся ко мне.

— Войдем, что ли? — и покраснел, словно в присутствии женщины сказал что-то неприличное.

— Не надо! — прохрипел я.

Василевский грустно взглянул на меня, будто прощался навсегда, открыл осторожно дверь и с порога громко и противным голосом запел:

— Вот идут сантехники! Чинить будут смызные бачки. Это мы, сантехники, а не хулиганы!

Для пущей убедительности он свое пение начал сопровождать бряцанием инструментов. Затем дыхание я ждал истощенного женского крика. Однако на врию никто не отозвался. И тогда я пулев вонзился в него. Первым делом я с ходу изо всех сил принял спиной дверь. Василевский, уже освободившись, повернулся ко мне.

— А ты разбираешься в смызных бачках? — спросил он почти весело.

Его веселость разозлила меня.

— Еще бы! С самого рождения!

— Понимаешь, тогда ты лучше встань там, в дверях, и никого пока сюда не пускай. А я тут, понимаешь, быстр!

Я, не раздумывая, с радостью выскочил из туалета. Василевский, полностью успокоившись, начал работать, даже насвистывая. Я стоял, как кретин, у женского туалета и озирался. Но тут меня ошаршила мысль: а если кто-нибудь из женщин направится сюда, как и о чём я буду беседовать с ними? Нет уж, лучше подпирать дверь с той стороны. Я вновь очутился в туалете. На скрип двери из кабинки вылетел ошарашенный Василевский. Увидев, что это я, он в сердцах сплюнул:

— Что ты танцуешь здесь? Напугал, понимаешь?

Заглянув на его покрасневшее лицо с вытаращенными глазами, я улыбнулся.

— Еще, понимаешь, смеется!

На третьем этаже мы работали уже спокойно. А на четвертом спели перед дверью серенаду про сантехников, а не хулиганов так бодро, словно выступали на концерте. К счастью, никого нигде не было. И только на пятом этаже, потеряв бдительность, открывая дверь во время исполнения романса, мы увидели двух девушек. Они курили. Мы замерли, будто нас выключили.

— К вам, понимаешь, можно? — занялась и краснела, наконец нашелся Василевский.

Та, что повыше, удивленно вскинула брови. Маленькая насмешливо кивнула:

— Еще спрашивает! Конечно!

Василевский окончательно смущился, запутался и выдохнул:

— Мы, понимаешь, смывные бачки...

Девушки направились к выходу. Маленькая оглядела нас.

— Что ж не понять! Очень даже похожи!

Они спокойно вышли.

Когда мы возвращались на участок, Василевский решительно сказал:

— Все! Больше никогда не соглашусь. Пусть посылают Тетю Петю. Это его работа!

Бедный Василевский, ты и не предполагаешь, что все это из-за меня. Но я только спросил:

— А что, Тетя Петя не стесняется?

— Тетя Петя? — переспросил Василевский. — Да он, понимаешь, специалист по кранам, унитазам и смывным бачкам. Он в туалете, как у себя дома. — И с завистью вздохнул: — Все женщины завода с ним здоровятся!

На участке нас ждал Петрович.

— Вот и молодцы! — сказал он, когда мы доложили об окончании работы, и ехидно посмотрел на меня. — Люди вам скажут спасибо! А теперь, Василевский, ступай к Игнату на помощь, он в компрессорной. А ты, мальчик, возьми кувалду, зубило и пойдем со мной, работка важная есть...

Он молча провел меня к бойлерной, здесь что-то прикинулся, подошел к стене инструментального цеха и отметил мелом квадратики.

— Пробьешь дыры насквозь, — приказал он сухо. — Так, чтобы можно было просунуть двухдюймовую трубу. Сегодня не сделаешь — утром оставишь всю бригаду без работы. Это, конечно, трудней, чем языком молотить, но ты уж постарайся, а иначе я к директору школы пойду!

Он повернулся и, не дав мне возможности слова сказать, ушел. Меня трясло от бешенства. Но надо терпеть. Хотя бы ради того, чтоб все ему потом вернуть. А пока нужно во что бы то ни стало выполнить его задание.

Я вздохнул, приставил к нарисованному квадратику зубило и стукнул кувалдой. Зубило отскочило назад. Стенка была толстая, кирличная, а сверху обмазана слоем штукатурки, которую, кажется, невозможно пробить. Я ударил еще несколько раз. Зубило чуть-чуть погрузилось в цемент, осипало его немногого, но дальше не шло. Я разозлился и начал лупить изо всех сил. Был злой, с острым камнем, долго, так, что нагрелось зубило, однако еле-еле пробил до кирпича. Бог ты мой, одному человеку на эти пять дыр надо по крайней мере несколько дней. Что он, издевается надо мной?! Я отшвырнул на землю кувалду с зубилом и усился на камень. Пусть гонит с участка, идет к директору, куда хочет, но я не намерен грызть получать. Это он просто мстит мне. Я поднял руку — ныло плечо. Махать пятакиogramмовой кувалдой — отупеешь. К черту, буду делать не спеша, сколько смогу, сколько и падно! Я поднял зубило, кувалду и принялся вновь холотить. Кувалда, кажется, стала тяжелей, и взмахах руки неширокий. Я вспотел, крошки отколовшегося цемента брызгали в лицо. Сзади меня изредка проезжали автомобили, трактора, проходили рабочие. Из-за угла высокония Петрович и подлетел ко мне. Он долго смотрел, как я машу кувалдой, еле заметно усмехнулся и бодро воскликнул:

— Еще ни одной не пробил! Ну, давай! — И опять умчался.

От злости я со всего маху саданул по зубилу, кувалда соскочила и сильно врезала мне по руке. То ли от удара, то ли от отчаяния,хватившего вдруг меня, я вскрикнул, уронил зубило, стал рубашкой

утирать пот и, кажется, слезы. От унижения, обиды, боли и беспомощности. Мне почему-то казалось, что Петрович сейчас сидит где-то и хохочет, как ловко унизил меня. И тут вдруг пронзила мысль: собственно говоря, он уже достиг цели, если заставляет меня так психовать! Нет. Только если я спокойно и уверенно буду выполнять работу, только тогда он будет чувствовать, что не унизил меня, не отомстил. Я успокоился и стал продолжать работу. Штукатурка с первого квадрата уже сбита, а кирпичи как ни тяжело, но все-таки откалываются легче. Я уже совсем успокоился и увлекся большим куском кирпича, когда услышал сзади себя глухой голос:

— Так ты, парень, до утра будешь дырку колупать!

Я оглянулся. Какой-то пожилой лысый мужик в комбинезоне смотрел на меня.

— Ты возьми шлямбур! Зубило не годится! Шлямбур есть?

— Сейчас посмотрю!

Незнакомец кивнул.

— Давай, притяжи!

Я побежал на участок, повторяя про себя на ходу: «Шлямбур, шлямбур». Я не то что не видел его никогда, но и первый раз слышал это слово. На участке никого не было. Только Игнат варил фланцы. Увидев его, я обрадовался.

— У вас есть шлямбур?

— Чего? — поднял он на меня лицо в очках. — Что такое шлямбур? А, шлямбур? — Игнат, конечно, захихикал. — А зачем тебе шлямбур?

— Петрович дырки в стене заставил пробивать. Целых пять штук. Приказал сегодня кончить.

Он погасил горелку и направился к верстаку. Отломил его и подал мне небольшую тонкую трубку. С одной стороны она заварена наглухо, с другой — острые зубья.

— Но если назад не принесешь! — нестрого пригрозил Игнат. — В карбид превращу. Это я для дома сделал! Смотри, ты мне и рукавицы новые должен!

— Честное слово, не потеряю! — обрадованно воскликнул я и, уже уходя, спросил у него: — Игнат, сколько дырок в стене может рабочий в день сделать?

— Сматывая какая стена!

— Ну вот как, например, в бойлерной!

Он задумался:

— Штук десять — двенадцать!

Я поразился. Десять — двенадцать. А мне казалось, однажды. Как же надо пахать тогда?

Незнакомец терпеливо ждал меня и курил.

— Ты что, делал его? — хмуро спросил он, оглядывая шлямбур, и удовлетворенно кивнул. — Хороший инструмент! Смотри!

Он приставил его к кирпичу и уверенно стал лупить по шлямбуру кувалдой. Тот начал медленно погружаться в стену. Дядька после каждого удара не спеша вращал шлямбур, затем вытащил и высипал из него красную пыль и небольшие кусочки кирпича. Потом еще раз вставил, несколько раз ударил, и шлямбур со звоном вынырнул в стенку. Большая дырка вспыхнула в стене. Я с уважением и радостью посмотрел на незнакомца.

— Вот так! — сказал он, передавая мне инструмент.

— Спасибо! Большое вам спасибо! — взволнованно пробормотал я.

Уходя он бросил:

— И рукавицами дерни. Руки отдавиши.

Может, оттого, что совершенно незнакомый рабочий помог мне, или потому что работать со шлямбуром гораздо легче, но работа пошла живее. Я уже пробил вторую дырку, когда тихонько вновь явился Петрович. На сей раз он ничего не сказал, только внимательно посмотрел на меня и ушел. Когда я

принялся за третью дырку, время уже подходило к обеду. Я порядком устал. Однако что-то внутри меня все время шептало: надо выдержать. Тяжело? Верно. А как люди работают по восемь часов? И неделами, месяцами, годами? Они привыкают, и тогда не так тяжело. Может, они крепче физически, но ведь когда-то и они так же начинали. Я лупил изо всей силы. Размах руки был широк, появилось что-то вроде второго дыхания. Я работал уже без рубашки и майки, пот поливал лицо, а я бил, бил, бил. Вдруг сзади меня рявкнул хор.

— Обедать пора!

Я оглянулся. Биль, Сэм, Мальчоныш, Академик и Дипломат выстроились в шеренгу и склонились.

— Каждый обед, Дик, тебя надо искать! — с отчаянием воскликнул Биль. — Хорошо, что твой сварщик сказал, где ты!

— Говорят, какой-то шлямпер бьет! — сверкнул очками Академик.

— Сэм уже кулаки подготовил, — хмыкнул Мальчоныш.

Я молча слушал их остроты.

— Сегодня обедаем в столовой! — подмигнул Мальчоныш. — Можешь заказывать сколько хочешь блюд!

— Э-э-э, нет! — вскричал Сэм. — Я договаривался, каждому только три блюда!

— Сэм платит! — объявил Биль. — Он мне проиграл. Я больше дырок просверлил до обеда. А спорили на обед для всех!

— Никуда я, парни, не пойду! — тихо сказал я. Все переглянулись.

— Что случилось? — спросил Сэм.

Я рассказал все. Только, конечно, умолчал про женский туалет.

— И в обед буду работать! Сегодня пробью все пять дырок! — сказал я твердо.

— Нет, надо с мастером кончать! — решил Биль.

— Вот сегодня с ним и потолкуем! — резанул Дипломат.

Академик, молча слушавший всех, поправил очки, поднял с земли кувалду и шлямбур, подошел к стене и начал вырубать дырку. Парни переглянулись и стали снимать рубашки. Работали все молча. Как только один уставал, другой тут же подхватывал и с новой силой начинал бить. Я смотрел на парней и думал: может быть, нам когда-нибудь придется расстаться, но этого я никогда не забуду. никогда я не забуду урока настоящей дружбы. Последнюю, пятую, дырку пробил Мальчоныш. А не прошло и тридцати минут. Он ударил, шлямбур зазвенел, и Мальчоныш закричал:

— Есть! Парни, если бы не бесплатный обед, я принял бы за шестую! Пусть лопнет от злости!

Несмотря на то, что у нас еще было в запасе много времени, одевались мы быстро. Когда уже стали уходить, я смущенно пробормотал:

— Парни, стойте... я... ну... в общем, спасибо!

— Перестань! — прикрикнул Академик, пододвинув рубашки против запыленные очки. — Можно подумать, ты бы поступил на нашем месте иначе... если, конечно, смотреть в корень.

Около столовой у клубы работала Манька. Нас она увидела еще издали, расправилась и, улыбаясь, смотрела, как мы приближаемся. На Академика было стыдно глядеть. Он не видел, куда идет, на лице блуждала улыбка идиота.

— Парни! — сказал он радостно. — Я обедать не хочу! Я уже поел сегодня, ладно?

Мы переглянулись и, словно по команде, схватили его за руки, за плечи и потащили мимо Маньки к столовой.

— Что вы делаете! — закричал он, упираясь. — Вандалы! Крестоносцы! Каравау! Изверги! — И уже в дверях столовой бросил: — Прощай, Марина!

Маня стояла среди цветов и, откинув голову, громко хохотала.

Сам оплатил нам всем обед. Но чтоб не обанкротить Сэма, мы сбросились и купили ему обед. Сидели все за одним столом, смеялись. Вдруг Сэм всесело сказал:

— Я, парни, завтра до вечера есть не буду!

Завтра. Завтра у Мальчоныша великий день! День рождения. Ему наконец-то исполняется шестнадцать! Он так много говорит об этом, словно, как родился, стал мечтать об этом дне.

— Что ж тебе подарить? — лукаво спросил Академик у Мальчоныша.

— А я откуда знаю, — улыбаясь, пожал он плечами, принимаясь за компот. — Вас пятеро, вы и думайте! Только учите, я до обалдения люблю подарки! Он подложил ладонь под щеку и задумчиво говорил: — Вот когда я был маленьkim, мечтал, чтоб на день рождения мне подарили пилотку. Обыкновенную пилотку. Я канючил у родителей, требовал у родственников, наехал соседям. И знаете, никто не принимал это всерьез. Дарили что угодно. Пистолеты, карандаши, альбомы, «конструкторы», книги. В общем, интересные и красивые подарки, а я, принимая их, благодарили, как меня учили родители, шел в коридор и горько плакал. Хочу пилотку — и все. Два года терзался, а потом успокоился. Сэм, оставь глотнуть компотику! — вздохнул он.

— Вторую круизку? — ужаснулся Сэм, но свой компот пододвинул ему. — Ну, обжора ты, Мальчоныш! Парни, не засиделись ли мы?

Все поднялись и, отдуваясь, потянулись из столовой. Спускаясь по лестнице, Мальчоныш воскликнул:

— Дорого бы я дал, чтоб взглянуть на рожу мастера, когда он увидит, что Дик до обеда пробил все дыры!

У столовой в клубе хопалась Марина. А может, ждала нас, то есть Академика. Он вышел из столовой, увидел ее и через скамейку, травяной газон, проволоку, как танк, ринулся к ней. Мы переглянулись. Марина улыбалась. Нас она уже не видела.

— Ну, парни, час! — сказал Мальчоныш. — Ирина, наверное, зайдет!

Мы разбрелись по своим цехам.

Обед уже кончился. Бригада собиралась расходиться по рабочим местам, когда я появился на участке.

— О, герой наш! — воскликнула весело Петрович, глядя на меня холодными глазами. — А я тебя ищу!

— Уже все пять пробил! — не выдержал я и с издевкой похвастался. Я ожидал, конечно, вытаращенных глаз, отвисшей челюсти, насмешки, но Петрович даже бровью не повел. Он спокойно сказал:

— Тогда ступай с Тахтой! Помоги ему!

Если уж Мальчоныш хотел взглянуть на ошарашенную рожу, он бы мог сейчас взглянуть на мою. Рядом стоящий Тетя Петя хихикнул:

— Ступай, ступай! Вдвоем спать на ходу веселее!

Бригада разбрелись. Тахта, ширкая ногами, медленно подошел ко мне и лениво сказал:

— Пойдем, что ли! Главное — это быстро уйти на рабочее место, а там можно и не спешить! — Он с присвистом засмеялся и добавил: — Рукавицы захвати, они ведь чугунные и тяжелые!

— Кто? — взглянул я на него.

— Да батареи! На третий этаж таскать надо!

Это был еще один выстрел со стороны Петровича. Он видел пробитые дыры и решил не реагировать, а теперь вот подсунул мне работку будь здоров, да еще с таким кадром, как Тахта. Я разозлился. Все равно не выйдет у него ничего. С Тахтой ра-

ботать — пожалуйста! Буду! Батареи таскать на третий этаж — пойдем! Посмотрим, чья взьмет. Мы еще своего выстрела не сделали. Всем классом бахнем. А не поможет, отправим Сэма. Для рукопашной. Пощады не будет. Человек, который может использовать свое положение для мести, не заслуживает сострадания. Он способен на все.

Как только мы пришли, Тахта плюхнулся на батарею и, сощурив от удовольствия глаза, смачно сказал:

— Перекур! Сядись!

Во мне кипела злость. Петрович готов был меня унизить женскими туалетами, вымотать отверстиями в стене, а теперь насмеялся тем, что послал напарником к Тахте. Я с неприязнью взглянул на уже склонившего голову Тахту и сердито сказал:

— Я не курю, Тахта! И смолите быстрее!

Он медленно поднял голову.

— А куда спешить! — засмеялся он. — Петрович норму не заказывал!

— Мне плевать на вашего Петровича! — крикнул я. — Слышиште, плевать! Давайте работать!

Я рванул один конец батареи. Тахта удивленно посмотрел на меня, аккуратно загасил окурок, спрятал его в пачку, затем с кряхтением встал и поднял второй конец. Батареи действительно дико тяжелые. По семь секций. Каждая секция весит семь килограммов. Сорок девять килограммов нужно затащить на третий этаж и разнести по пустым огромным залам. Здесь оборудуют какую-то лабораторию.

После третьего захода я понял, что нет на свете лучшей работы, чем пробивать в стене дырки. Тахта пыхтел рядом, как паровоз.

— Все! Перекур! — воскликнул он, тяжело опускаясь на батарею.

Но я решил заставить его работать. Пусть не думает, что ему повезло, раз я мальчишка. Я поднял конец четвертой батареи и приказал:

— Берите!

— Перекур! — категорически заявил он.

— Я вам сказал, что не курю! — крикнул я так зло, что он быстро сунул пачку в карман и поднялся.

С каждой ступенькой шагать все тяжелей и тяжелей. Дрожали ноги, какая-то незнакомая сила разжимала пальцы, не хватало воздуха. Я закусил губу, в висках стучало только одно: донести, донести, донести. Тахта тихо кряхтел сзади. На пол батареи мы не поставили, а швырнули. Хотя это запрещено — пол деревянный. Мы не могли отдохнуться. У меня горели руки. Тахта раскашлялся. Кашился он долго, хрюкло, со свистом, перегнувшись пополам.

— Все курево! — вскрикивал он. — Проклятье!

Наконец он успокоился. Спускались по лестнице медленно. Вдруг он протяжно спросил:

— Ты что, сумасшедший? Кому это все надо?

— Мне! — рявкнул я. — Понимаете, мне!

Он взглянул на меня своими сонными глазами и ничего не сказал. Мы вышли из подъезда. Я плюхнулся на ящик. Тахта подошел к батарее и приподнял конец.

— Берись! — крикнул он.

Кажется, от удивления у меня волосы поднялись. Я во все глаза смотрел на него. Сил подняться не было. А он ждал.

— Раз надо! — сказал он.

Я не мог ответить ему: перекур! У меня не было на эти слова языка. И я поднялся. Нет, мы не несли батарею, мы просто держались за нее. Держа-

лись всем телом, взглядом, вздохом. Держались и толкали вперед. Нас заносило. Со стороны могло показаться, что работают два пьяных. Батарею мы швырнули так, что пол затрещал. Спускались вниз так же медленно, как и поднимались наверх. Во всем теле была такая тяжесть, словно батарея была еще с нами. Тахта, спотыкаясь, подошел к труде батареи и дрожащими руками с трудом поднял конец.

— Берись! — хрюкло приказал он.

— Не могу! — отмахнулся я.

— Это надо тебе! Берись!

— Не могу! — Я грубо выругался.

Берись, гаденыш! — вдруг закричал он зло. — Берись, баба, трус, шваль. Это надо! Понимаешь, надо!

И я поднял. Не знаю, как понесли, не знаю, как спускались назад, но, когда вышли из парадного, меня начало рвать. Долго и сильно. Тахта стоял рядом, поддерживал за плечи и ласково приговаривал:

— Ну, ну, сынок! Выдержал! Молодец! Ничего, ничего, сынок! Главное, выстоял!

Он отвел меня к ящику, усадил. Сам сел рядом. Я ничего не соображал. Все было, как в тумане. Откуда-то издалека слышался его ленивый голос:

— Я думал, ты себя проверить хочешь! Чтоб как мужчина, значит. Это бывает у людей. Особенно в ваши годы. Молодец! Выстоял!

Он куда-то ушел, долго не возвращался, а когда явился, принес газировку.

— Пей! — протянул он воду. — Полегчает!

Я осушил до дна бутылку. И действительно, стало немного легче. Тахта лениво курил и вдруг протяжно сказал:

— Эх-х-х, хорошо было на войне. Старшина покормит, и оденет, и обует, никаких тебе забот!

Я с ужасом взглянул на него.

— Вам что ж, войны захотелось?

— Да не войны! — приоткрыл он один глаз. — Старшину бы. А войну, кто ж ее хочет. Пять лет в ней купался...

— Какой-то вы... — сказал я, с трудом поднимаясь. Тело точно напито свинцом, в голове гудело. Мое рабочее время кончилось, ребята, наверное, уже ждут на проходной. Все. Мы работаем на три часа меньше. Я пошел домой.

— Это хорошо! — кивнул Тахта, не глядя. — А я здесь побуду. Петрович явится — так я же не могу один таскать!

Действительно, не понять, что он собой представляет.

Давила какая-то тяжесть. Было все безразлично. Как в тумане, я отвечал парням на вопросы, что со мной, умудрился в таком состоянии по дороге помириться с Жанкой и даже назначил ей свидание на вечер. Троллейбусом добрался до дома. Леня было возиться с ключом. Я позвонил.

Открыл Игорь.

— А где ключ? — спросил он настороженно.

— На работе оставил, — ответил я и прошел к себе.

Я упал на диван и мгновенно уснул. Проснулся, когда будильник показывал шестой час. Чуть не опоздал к Жанке. Быстро вскочил и тут увидел, что раздет и спал на простыне и под одеялом. Что, предки с ума сошли! Я вышел на кухню. Игорь делал бутерброды.

— Вы зачем меня раздели? — спросил я раздраженно. Он повернулся ко мне и сухо сказал:

— А я хотел уже идти будить тебя. На работу пора.

— Какую работу? — Я ничего не понимал, но вдруг страшная догадка пронзила меня. — Который теперь час? — крикнул я.

— Не шуми! Мать разбудишь. Шесть часов!

— А что сейчас — сегодня или вчера? Губы Игоря задрожали от смеха.

— Сейчас послезавтра!

— Ну правда! — топнул я босой ногой.

— Да утро сейчас! — улыбнулся он. — Понимаешь, сейчас сегодняшнее утро! Во, дожили, объясняемся, как попугаи!

Первый раз в своей жизни я проспал шестнадцать часов подряд. Вот это номер.

9

Больше работать не хочу. Хватит пахать! И так кости ноют, будто я впервые играл в футбол. И ладони горят от ссадин. Опять сегодня вкалывать, тягаться с Петровичем. А что изменится в нем, если я выполню любое его задание? Да ничего! Так зачем упираться? И потом, я здорово устал. Даже руки пошевелить не хочется. А ведь нас загнали на завод, чтобы мы воспылали к нему любовью. Но какая же любовь, если от тебя сейчас требуют только одно — паши! Не ходи никуда, не смотри ни на что. Твой мир — верстак, станок или напильник. Тут не то что новое узнаешь, забудешь, что знал. Пошли они все. Надоело. Хочу к ребятам. Тем более, что я вчера все проспал. При мысли о парнях мне захотелось их увидеть. Побыть с ними. И Мальчоныша надо поздравить. А вся эта работа, завод, рабочий люд — все это мир открытых дверей, мимо которого пока лучше всего пройти. А то, если сунешься, замучают!

Участок сборки цепей, на котором отбывал практику Мальчоныш, зажат между кузнецким цехом и компрессорной. Длинный деревянный барач с широкими кривыми воротами. Я заглянул внутрь. В нос ударил резкий запах какой-то смеси. С потолка лился дневной свет неоновых ламп. В центре стоял длинный железный стол. По всему участку аккуратно расставлены металлические бочки, с которых, как змеи, свисают черные цепи. Такие же цепи лежат на столе с двух сторон. Здесь же, на высоких стульях сидят знаменитые женщины Мальчоныша. Они накидывают на цепи тонкие металлические пластинки и гайками прикрепляют их. Женщины слаженно и негромко поют «Оренбургский платок». Все одеты в большие брезентовые костюмы, головы в платках наклонены так, что не видно лиц и не понять, откуда несетесь песня. Мальчоныша на участке не было. Вдруг одна из поющих подняла голову, заметила в воротах меня и звонким голосом крикнула:

— Эдуард Ашотович! Пожалуйте сюда!

Все прекратили петь, подняли головы и, взглянув в мою сторону, нестройно загапдали:

— К вам гости!

— Эдуард Ашотович!

— На выход!

Кто-то из них пронзительно свистнул, все засмеялись. Я испуганно отступил назад. Из боковой двери выскочил Мальчоныш. Увидев меня, он заупыпался и махнул рукой.

— Иди, не бойся! — крикнул он весело.

Я двинулся к нему. Сзади чей-то голос протяжно и громко произнес:

— Хорошенький!

Я покраснел. Мальчоныш заметил это и засмеялся. Он быстро тащил меня в помещение. Это была комната отдыха. На столе лежал упакованный торт, три красные розы и маленькая коробочка. На стене висел портрет Мальчоныша — очень похожий — и надпись: «Мне 16. Скоро, брат, на пенсию!»

— Ирина сама рисовала! — воскликнул он с гордостью. — Я случайно проболтался, вот они все и подарили. Торт, цветы и комплект авторучек. Дик, правда, ужасно приятно получать подарки! Они еще хотели, чтобы я сегодня не вышел на работу, но я отказался!

Мальчоныш был в приподнятом настроении.

— Мальчоныш... Эдик... В общем... — Я протянул ему руку. — Поздравляю, желаю там...

— Да ладно, Дик! — перебил он меня. — Все ясно! Спасибо, дружище! Значит, вечером ко мне?

— Конечно, ты ж подарки ждешь!

Открылась дверь, и вошла женщина, которая первой увидела меня. В руке у нее был нож.

— Эдуард Ашотович, — сказала она весело. — Вы бы товарища тортиком угостили!

— Спасибо! — испуганно воскликнул я, словно мне предлагали кого-то зарезать.

— Спасибо — да или спасибо — нет? — спросила она, улыбаясь, и, сорвав платок, принялась распаковывать торт.

Я ахнул. Без платка это была молодая красивая женщина. Ее синие глаза сияли добрым веселым светом. Черные брови изогнуты, как турецкие ятаганы.

— Да он не хочет, Ирина! — смущенно пробормотал Мальчоныш.

Ее яркие губы отомкнули улыбку.

— Конечно, Эдуард Ашотович, вы кого угодно уговорите! А мы ему много не дадим. Нам самим нужно!

Ирина отрезала большой кусок, подхватила платок и вышла. Мальчоныш восхищенно проводил ее взглядом, затем повернулся ко мне и с гордостью сказал:

— Это и есть Ирина. Они все меня сегодня по имени-отчеству зовут. Дик, ты еще живее, поможешь мне цепи им поднести. Ладно?

Я кивнул. Торт был ужасно вкусный, и я уже заскучало есть, когда Мальчоныш воскликнул:

— Черт, Дик, ты так аппетитно жуешь, дай откусить!

Он откусил, улыбнулся и потащил меня на участок. Мы вышли, оба жуя. Работницы повернули к нам головы и заулыбались. Мальчоныш деловито подошел к бочке с цепями, и мы начали хантовать ее к углу стола.

— Посмотри, как они работают! — шепнул Мальчоныш, когда мы тащили вторую бочку.

Женщины переговаривались между собой о дверях, смотрели на нас, смеялись, а их руки метались в бешеном хороводе, и не было ни одного лишнего движения, ни одной заминки.

— Кажется, все просто! — восхищенно объяснил Мальчоныш. — А никто лучше этой бригады работать не умеет. Цепи нужны на все машины, которые выпускает завод. Так что, если хочешь знать, это самый главный участок!

Вдруг Ирина звонким голосом на весь участок задорно запела:

Ой, подружки дорогие,
Я не знаю, как мне быть.
Полюбила я мальчишку,
Буду в школу с ним ходить!

С противоположного конца стола другой голос отозвался:

Ты, сестрица дорогая,
Плюнь на мальчика свою,
Кончит он десятилетку,
И не выйдет ничего.

Ирина вновь подхватила:

Ой, подружки дорогие,
Я хожу без головы,
Я ему про поцелуй,
Он про двойни и колы!

И вдруг, широко взмахнув руками, она лихо пошла в пляс. Ноги ее выбивали дробно четверть, медленно она приближалась к нам и, когда оказалась совсем рядом, схватила Мальчоныша и лихо крикнула:

— Эх! Прогоню!

Затем быстро в обе щеки сочно расцеловала его. Женщины засмеялись. Мальчоныш, открыв рот, смотрел на Ирину. Щеки его горели. Наконец он пришел в себя и рукавом стал усиленно оттирать помаду. Работницы засмеялись еще громче. Ирина уже стояла у стола, руки проворно закручивали гайки, а сама, запрокинув голову, звонко хохотала.

Мальчоныш вышел меня проводить.

— Во дают! — вздохнул он, видимо, еще не приялся в себя. — Ну и дела! Слушай, Дик, а почему ты не работаешь?

— Работы нет! — пожал я плечами. — Да ну их. Хочу парней обойти! — Я взглянул на него и усмехнулся. — С тобой мне теперь все ясно! Съедят они тебя, ЧАО!

Сварочно-сборочный цех такой огромный, что в нем могло бы смело поместиться два футбольных поля. Однако здесь расположено множество станков и несобранных машин, разбросано столько же железа, что нет ни одного свободного пятака.

Мне повезло. У самых ворот я наткнулся на Дипломата. Он, как лихой казак на коне, выпетел из цеха на каре и, увидев меня, улыбаясь, затормозил.

— Дик, привет! — закричал он. — Ты что, только сейчас проснулся??

— Еще сплю! — буркнул я, подходя к нему.

— А мы, понимаешь, думали, что заснул на всю практику! Сколько ты проспал?

— Шестнадцать часов!

Он вытаращил глаза, затем начал хохотать.

— Слушай, Дипломат! — Я успел на кару. — Тебе кажется, что все это ерунда на постном масле?

— Что? — успокоившись, спросил он.

— Ну, вся эта практика. Завод. Будто мы не можем прожить без всего этого. Да нас, наоборот, нужно заставлять учиться, чтобы мы были инженерами, учеными, чтобы могли двигать науку, технику. Прослушай, ну, буду я еще одним рабочим. Ну и что? Затеряюсь в многомиллионной массе подобных, и все! А я хочу сделать что-то такое, чтобы обо мне все знали. Это тщеславие, может быть. Но я не вижу в этом ничего плохого. В конце концов мне кажется, людям нужен скорее хороший инженер, чем хороший рабочий.

Дипломат удивленно, но внимательно выслушал меня, слез с кары и сказал твердо:

— Ни фига, Дик. Ты ошибаешься. Общество нужны хорошие люди, они будут честно выполнять свое дело, ком бы ни были. Учеными, инженерами, рабочими. И потом, неужели ты думаешь, что нас погнали сюда, чтобы мы полюбили завод и после школы всем классом ринулись сюда? Нас просто зна-

комят с трудом, с рабочими. Ты мне скажи-ка, Дик, лучше, почему ты не работаешь?

Я пожал плечами.

— Не хочется! Надоело! Желаю взглянуть, что вы делаете. Покатай на своей «Чайке», а?

— Куда вас? — вскочил на кару Дипломат.

— У Мальчоныша я уже был. К Сэмму и Билью, шофер! Да поживее! — скомандовал я.

— Слушаюсь, ваше высочество!

Он включил скорость, и мы быстро покатили к механическому цеху.

— У тебя что-нибудь случилось, Дик? — серьезно спросил он на ходу.

— Нет, а что?

— Понимаешь, Дик, когда человек начинает философствовать, он перестает что-то делать. Вот я и подумал: не турнили тебя опять с участка?

— Можешь успокоиться, меня не турнили! — бросил я хмуро.

— Но если будешь так работать, как сегодня, у тебя еще все впереди! — заметил Дипломат. — Стоп. Приехали, ваше высочество. В конце концов, Дик, мы кое-что узнали на заводе, и за это спасибо. А вообще уже недолго осталось. Ну, я поехал за деталями, а то меня ждут на участке. И к Мальчонышу надо завернуть — поздравить ребенка ЧАО!

Дипломат укатил, а я вошел в цех.

Механический цех представлял собой неописуемое зрелище. Огромное, яркое помещение залито океаном света. Мало того, что под потолком висит множество ламп, так еще через широкие окна-стены солнце посыпает жаркие лучи, отчего помещение выглядит праздничным и веселым. Везде гудят станки. Их здесь столько, что, кажется, невозможно и сосчитать. Несмотря на то, что работа не очень чистая, в цехе ни мусаринки.

— Вы кого-то ищете? — раздался над моим ухом негромкий голос.

Молодой парень в очках, в халате выжидающе смотрел на меня. «Какой-нибудь остряк-самоучка из цеховой интеллигенции», — решил я.

— Представьте себе!

— Представил! — кивнул он. — И кого же, если не секрет? Или мне это тоже требуется представить?

Он смотрел на меня насмешливо. Я ощетинился.

— А не тяжело будет?

— Вы, наверное, ищете своих товарищей по школе. Так они вон в том углу.

Очки с удовольствием смотрел на мое растерянное лицо и наконец добавил:

— Между прочим, они тоже вначале были такие кюччи! И, кстати, для дружеских излияний есть время обеда!

— Так же, как и для не очень дружеских! — подхватил я, повернулся и пошел в сторону, куда указал мне этот юморист. Действительно, вскоре я издала увидел высокую фигуру Сэма. Он сосредоточенно наблюдал за работой станка. Неподалеку от него за точно таким же станком, чуть подавшись вперед, шуровал Билья. Я остановился и со стороны принял наблюдатель за ними. Просверлив какую-то небольшую металлическую чашку, Сэм ловко склонил ее в ящик, нагнулся, взял из другого ящика новую, заснул ее струбциной, направил сверло и быстро включил станок. Билья посмотрел в его сторону и укоризненно крикнул:

— И не стыдно обговаривать!

Сэм улыбнулся. Вдруг он почувствовал на себе взгляд, поднял голову, огляделся. Заметив меня, закричал:

— Билья, смотри, кто к нам пришел!

— Ты только сейчас проснулся? — Билья кивнул мне.

— А вы думали, что я заснул на всю практику? Я все знаю: вы пять раз звонили! Мама меня просовала разбудить, но — увы! Я проспал шестнадцать часов. Какие еще вопросы будут?

Сэм и Биль переглянулись. Сэм, склонившись к прошлой детали и наклоняясь за новой, спросил:

— Биль, ну как ты находишь его?

Биль не отрываясь от станка, ответил:

— Швах! По-моему, он часов восемь недоспал! Раздражен, будто только что разбудили!

Биль сунул голову в ящик за новой деталью.

— Стоп, парни! — крикнул я. — Вы что, так и таскаете по одной детальке?

Сэм, не выключая станка, посмотрел на меня.

— Да, а что?

— Идиоты!

В стороне стоял пустой деревянный ящик. Я схватил со станка Сэма молоток и в два удара выбил дно.

— Что ты делаешь? — заорал Биль. — Это же для тары!

Рядом раздался спокойный голос:

— Ну, а это как прикажете представлять? Безобразней!

Передо мной опять стоял тот тип в очках.

— Отвали отсюда! — отмахнулся я, торопливо подошел с фанерой к станку Сэма и сунул ее углом под станину. Получился деревянный стол.

— Вот, Сэм! — сказал я, быстро накладывая на него заготовки. — Не будешь кланяться, как дурачок?

— Эрик! — вдруг заорал на весь цех Сэм. — Биль, смотри, чего нам не хватало!

Биль взглянул на фанеру и даже подпрыгнул:

— Курчатов! Эйнштейн, Ньютон! Все гениальное просто!

Тип в очках потрогал фанеру и задумчиво сказал:

— Неплохо! Только лучше металлические приварить! И на всех станках!

— Да нет! — махнул рукой Сэм и повернулся к Билью. — Где она?

Биль уже что-то достал из шкафчика для инструментов.

— Понимаете, — объяснял всем Биль, сбрасывая на пол струбцину и прикручивая к станку какой-то агрегат. Сэм кинулся к нему на помощь. — Мы с Сэном подумали: а что если одному работать на двух станках? Попеременно. Один работает, другой скучает. Стали мы ломать голову. Поделились с Академиком. И вот сообразили, Академик через свой отдел главного механика заказал. Ему выполнили. Все хорошо. Испробовали, но эффекта нет. Пока наклоняешься за новой деталью, станок работает вхолостую. А теперь вот, смотрите... — Они закрепили агрегат, и Биль включил станок.

— А теперь, пожалуйста! — Биль надавил на колесо, сверло вошло в направляющую трубку, станок стал сверлить, а Биль спокойно перешел к своему станку, заподбил здесь чашечку и включил его. Теперь оба станка сверлили, и Биль небрежно бросил Сэму: — Отдохни, товарищ!

Тип в очках радостно восхитился:

— Молодцы, черт побери! — Он повернулся ко мне. — И у тебя голова варит.

Я усмехнулся.

— Чтоб понять это, надо тоже голову иметь!

Сэм незаметно толкнул меня локтем, но очкарик это усек и улыбнулся.

— Ну, ну, спасибо за комплимент! — И, уходя, восторженно проговорил: — Это сколько же людей вы свободить можно! Ну и молодцы!

— Ты с ума сошел! — когда умник отвалил, восхитился Сэм. — Это же начальник цеха!

— Такой молодой! — удивленно сказал я.

— Механический хотят сделать комсомольско-модежным. От начальника цеха до рабочего. Чтоб не старше двадцати восьми. Отказались от уборщиц, а смотри, какая чистота.

— Не дрейфь, Дик! — утешил меня Биль. — Каждый великий изобретатель имел свои причуды. Ты не признаешь авторитеты! Лучше сказки, во сколько сегодня идем к Мальчишкам?

— А вы всё приготовили?

— Конечно! — пожал плечами Сэм. — Мы же не спим по шестнадцать часов!

— Ерунда, Сэм! — пристыдил его Биль. — Мы за Дика работали, он за нас спал!

— Хорошо, парни. Схожу к Академику. Посмотрю, чем он дышит! Час!

— Дик! — крикнул Сэм, когда я уже отошел. — А почему ты не работаешь?

Я пожал плечами.

Академик сидел в ОГМ за письменным столом недалеко от двери. Увидев меня, он приветливо замахал обеими руками.

— Час! Дик! Молодец, что явился! Ну как, выспался?

— Ничего. Шестнадцать часов! — Я огляделся.

Народу в отделе немного. Некоторые тихо переговаривались, другие что-то писали.

— Здесь что, мозг завода? — усмехнулся я.

— Да как тебе сказать? — Академик пожал плечами. — Если смотреть в корень, то это скорее одна из его извилин! — Вдруг он окликнулся, покраснел и, ерзая на стуле, спросил: — Слушай, Дик, ты когда шел сюда, не видел ее?

— Кого?

— Марину!

— Нет!

— Понимаешь, Дик! — Его глаза под стеклами очков заблестели, он оглянулся: не подслушивает ли кто. — Нет, Дик, пойдем в курилку! Там никто не услышит.

Он вывел меня в коридор, потащил к двери в угол и по дороге выкрикивал, словно ему делали укол тупой иглой:

— Дик, Марина замечательная девушка! Сколько в ней тепла, души...

От переполненного его чувства Академик сильно покрутил ногой дверь в курилку, и мы вдруг сразу оказались в дымной комнате, похожей на парную. Здесь было много народа. Парни и девушки дружно курили. Какой-то высокий, худой типчик стоял у окна и что-то говорил. Не успели мы с Академиком разуть назад, как он кинулся к нам с криком:

— Вот, вот у него спросите! Николай, скажи, хотел бы ты после школы работать на заводе?

Академик попытался вырваться, но изможденный поймал его за руку.

— Нет, стой! Отвечай!

Академик осмотрел всех и вздохнул.

— Мне в институт надо!

— А после института? — спросила девушка в брюках.

— А после института в аспирантуру! — улыбнулся Академик.

— Ну, а в принципе? — пристал худой.

— В принципе? — Академик задумался, затем помотал головой. — Нет!

— Слыхали?! — обрадовался худой. — А почему? Да потому, что здесь нет пока поля деятельности для интеллектуального ума!

Несколько человек возмутились.

— Загнули, Птицыны!

— Не в жилу!

— Переборщил, интеллектуал!

Тот замахал руками.

— Нет, нет, братцы, я не в том смысле, что на заводе делать нечего умному человеку. Нет. Но сегодня заводу нужны электроника, кибернетика, вычислительная техника. Без этого предприятие движется не вперед, а назад. Пока оно еще дает план, а завтра превратится в нерентабельное предприятие, дающее только убытки. Без передовой техники люди не пойдут на такой завод работать. И дело тут не только в зарплате, но и в самоутверждении. Управляя сложной аппаратурой, современной техникой, рабочий ощущает дух времени, вырастает духовно!

— А мне кажется,— воскликнула девушка,— есть радость и оттого, что ты внедряешь всю эту твою, Птицын, электронику в производство. Ищешь,думаешь, колаешься — и вот твоя штука виновата! Представляешь: твоя идея, мысль воплощены в дело, в действительность!

— Правильно, Нинок,— воскликнула рыжая в кожаной мини-юбке.— Нам тут и разворачиваться. Дело не в том, чтобы пустить еще одну какую-то конвейерную линию, нужно добиться, чтобы весь завод как можно скорее избавился от варварски изнуряющего труда, нужно создать единый, полный, автоматизированный производственный комплекс.

Я неожиданно представил себе, как автоматическая кувалда лупит по стене, чтобы пробить дырку, или как Васильевский стоит в огромном светлом зале в накрахмаленном белом халате у пульта управления и своей огромной лапой нажимает черную кнопку, над которой красуется надпись «Ремонт женского туалета», и, не сдержавшись, громко прыснул. Все повернули головы в мою сторону. Птицын как-то подобрался и сухо спросил меня:

— Что смешного находите вы?

— Да нет, ничего! — покраснел я от взглядов и тут вдруг, сам не желая этого, ляпнул: — Братья Стругацкие!

Академик удивленно направил на меня свои окуни.

— Что — братья Стругацкие? — спросил сидящий в углу парень с длинными до плеч волосами.

— Да все вы — братья Стругацкие! — упрямо повторил я.— Ваши производственные комплексы, электроника, кибернетика и прочая интеллектуальность. Для всего этого потребуются мозги и руки, которые смогут управлять этим. Целый завод высококвалифицированных людей. Вы представляете себе, что это такое? Тысячи специалистов. А где их взять? Он, — я кивнул на Академика, — ясно вам сказал. Мы не пойдем. Замкнуться от всей большой жизни забором с проходной, каждый день тащиться сюда и видеть одни и те же лица, знать наперед, что скажет твой сосед слева, как мыслит сосед справа. Все время выпускать одну и ту же продукцию, а значит, изо дня в день заниматься одним и тем же, и так всю жизнь — даrehнуться можно! Ну, а если мы не пойдем, кто тогда? Обучать тех, кто сейчас работает, — так это полнейшая ерунда. Сегодня еще на вашем заводе — как в темном лесу. И малограмотные есть, и пьяницы да шкурников хватает. Так что не с жалеза надо начинать, а с людей!

В курилке повисла тяжелая тишина.

— Сопляк! — раздались, словно выстрелы, слова Птицына.— Молокосос! Молоко на губах не обсохло!

Академик вышел чуть вперед, как бы желая загородить меня, и сказал:

— Мне кажется, товарищ Птицын, следовало бы найти более веские аргументы для доказательства своей точки зрения.

Птицын приблизился к Академику.

— А я не собираюсь подбирать аргументы, уважаемый товарищ школьник! И если бы не мое уважение к твоим способностям, я бы в две секунды

высыпал отсюда тебя, милый мальчик Николай, и твоего дружка к чертовой матери!

Коллеги Птицына подошли к нему и стали по ба-кам. Академик спокойно поправил очки и негромко произнес:

— Я, конечно, товарищ Птицын, тронут вашим от-кровением относительно моих способностей, так выручавших нас сейчас. Однако мне бы хотелось внести некоторую ясность. Я не утверждаю, что мой друг полностью прав. Но, воспитанные школой, мы привыкли, что там, где ошибаемся, нас поправляют, а не оскорбляют. Далее, если смотреть в корень, он мне не дружок, а друг. Хотелось бы, чтобы вы это учили на будущее со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ну, а если он мой друг, то позвольте мне выступить в его защиту. В его горячей речи есть доля истины. Вы мечтаете внедрить на вашем заводе первоклассную технику — бесспорно, это здорово! Но прогресс должен двигаться одновременно, параллельно: в людях и в технике. А вы о людях никак не думаете, и доказательством тому служит мой ответ, что не хочу идти на завод, — он все устроил как еще один аргумент в защиту внедрения современной техники. И ничуть не беспокоючи причина моего отказа. Далее, курить надо поменьше, — вдруг вяло бросил Академик и повернулся ко мне.— Идем, Дик!

Академик пошел проводить меня. Мы молча спускались по лестнице. В душе я проклинал себя за то, что вмешался. Мы остановились на первом этаже.

— Сейчас был у Биля с Сэмом, — сказал я, надеясь смягчить вину перед ним.— Они какую-то твою штуку приспособили. Начальство в восторге.

— Это их идея! При чем тут я! — ложал он плечами, сунул руки в карманы, облокотился о перила лестницы и задумчиво сказал: — Понимаешь, они тут такое заворачивают, что ой-ой-ой! Планов, мыслей, идей столько, что, если осуществляться, завод будет механизирован от проходной до погрузочных работ. У них здесь система «ДИЗ». Дежурный идеяный заказчик. Один человек каждый день отправляется по цехам, изучает, выясняет, что можно улучшить, облегчить, автоматизировать. Еще у них «ЗТ», «Заманы» товарищ. Способных выпускников институтов агитируют на завод. Даже с другими городами переписываются.

— А тебя они, видно, здорово уважают!

— Конечно.— Он усмехнулся.— Они конвейерную линию разрабатывали. Нужная и отличная штука. А с расчетами у них не сходилось. Все бились. Дотемна сидели. А я принес им вариант расчета. Ни за что не угадаешь, кто сделал.

— Ты! — уверенно сказал я.

Он повертел пальцем у лиска и улыбнулся.

— С приветом, что ли? Ну, подумай еще!

— Не знаю!

— Гер Герыч. Пришел проверять меня. Увидел на столе формулы — я тогда тоже попробовал рассчитывать, — заинтересовался. Я уже забыл. Он через четыре дня приходит ко мне, кладет на стол тетрадь и говорит: «Передай». Вот они теперь на меня и смотрят с почтением. Ведь я же его ученик.— Академик вдруг замолчал, посмотрел на меня пристально и тихо спросил: — Слушай, Дик. Откуда в тебе эта непонятная озлобленность?

Я опустил глаза.

— Знаешь, Академик, не могу я пока объяснить ничего, хотя и хочется...

Он положил руку мне на плечо и негромко сказал:

— И не надо, Дик. Помни только одно: мы всегда с тобой! А теперь иди, мне надо работать! — Он вдруг подмигнул весело.— Я их подкузьмил, что они курят, а сам болтаюсь. Час, Дик!

Я отправился на участок. Обед кончился, и вся бригада как раз направлялась к выходу.

— А вот и он! — ехидно воскликнула Петрович, обращаясь ко всем и указывая на меня рукой.

Все остановились.

— Где ты был? — после паузы сердито спросил Иван Семенович.

Петрович победно улыбался.

— Гулял! — с вызовом ответил я.

Меня взбесили эти молчанивые осуждающие взгляды, этот допрос, а главное, что все это происходит в присутствии мастера Петровича, который откровенно торжествовал победу надо мной. Пусть лучше идут жаловаться Гер Геричу или выгонят, но только не лебезить сейчас.

— Я могу быть свободен? — с вызовом спросил я.

— Ну разумеется, — улыбнулся Петрович и добавил: — Навсегда!

— Обожди, Петрович, — остановил мастера Иван Семенович. — Кто же тебе разрешил тупить, когда все работают?

— Никто. Я сам!

— А знаешь ли ты, что это называется прогулом?

— Весь участок подвел! — радостно сказал Петрович.

— А я у вас не числюсь! — бросил я уверенно. — У меня просто практика!

— Для чего? — строго спросил партторг цеха. — Баклушки быть? Прогуливать? Нет уж, голубчик, если пришел к нам, так будь любезен работать. Рано тебе еще разбазаривать имя рабочего!

— Да я совсем не намерен им быть! — вспыхнул я. — Подумаешь, счастье великове! Завод, рабочий — плевать я хотел на это. Пашите уж сами в туалетах.

— Кончил? — тихо спросил Иван Семенович, когда я замолчал.

Петрович с торжеством обратился ко всем:

— Вот они, какие умники! Молодежь наша! Побуйтесь!

Игнат, качая головой, сказал:

— Эх ты... Болезнь детская, видать, у тебя не прошла. Выросла она!

— Ну зачем ты так, понимаешь, — выкрикнул мне в лицо Васильевский. — Ты... понимаешь...

— Я думал, ты человек, — медленно произнес Тахта и отошел.

Иван Семенович, молча слушавший всех, негромко сказал:

— Что ж, ты сам выбрал Смотри, чтобы потом не было стыдно! — Он повернулся к Петровичу. — Значит, давай нам другого человека на сегодняшнюю ночь!

— А где я возьму? — сердито ответил Петрович. — И так вся бригада придет!

— Но ведь работы столько! — воскликнул Иван Семенович. — До утра не справимся — завод остановим.

10

Подходя к дому Мальчоныша, мы услышали музыку. Она обрушивалась из его окна на всю улицу.

— Мальчоныш прощается с детством! — усмехнулся Биль.

— Да-а! Взрослеют дети! — вздохнул Академик и посмотрел с нежностью на Марину, будто в этом есть и ее заслуга.

Дипломат повернулся к нам и хитро спросил:

— Парни, интересно, как встретят нас Мальчоныш? Что первое скажет?

— Он скажет, — воскликнула Жанна, — «А-а, привели».

— Ничего подобного, — улыбнулся Сэм. — Он спросит: «А подарки не забыли?»

Биль испуганно спросил:

— А действительно, мы ничего не забыли?

— Все, все здесь! — кивнул Сэм.

Через минуту мы уже поднимались по лестнице...

У парней было приподнятое настроение, а в моей душе — винегрет чувств. С одной стороны, слава Богу, что наконец избавился от этой ассенизаторской работы, с другой — неприятно, что ушел с таким громом, под ехидные ухмылки Петровича. И потом ужасно неудобно перед Гер Геричем. Действительно, достается ему. И все из-за меня. Хотя мне совсем не хочется учителя огорчать.

Но есть и еще что-то. Глубоко-глубоко во мне поскуливает сожаление о случившемся. Вернее, не сожаление, а стыд. Перед Иваном Семеновичем, Васильевским, Игнатом и другими членами бригады. Если разобраться, они ко мне прилично относились. Помогали.

У дверей новорожденного мы немного потоптались. Наконец Сэм, оглядел нас, воскликнул:

— Итак, что первое произнесет Мальчоныш?

Он позвонил: два длинных, один короткий — наш условный сигнал.

За дверью послышался веселый шум. Торжественно распахнулась дверь, и Мальчоныш во всем сиянии праздничного настроения уставился на нас. За его спиной толпились братья и сестры.

— А подарки не забыли? — спросил он, улыбаясь. — Мы засмеялись.

— Проходите! — радостно пригласил новорожденный.

В столовой был широкий накрытый стол. Родители Мальчоныша, нарядно одетые, улыбаясь, смотрели на нас. Отец Мальчоныша, Ашот Андронович, радостно пошел нам навстречу.

— Ну что, давайте к столу!

— Нет, стойте! — закричал Биль, останавливая всех. — Нужно в конце концов вручить подарки!

— Я первый! — воскликнул Сэм. — Иначе свалюся! Будь здоров, Эдик! — торжественно воскликнул он и положил ему на руки пакет.

Мальчоныш подарок не удержал. Но Сэм, предвидя это, тут же на лету поймал пакет. Мальчоныш испуганно уставился на подарок, затем кивнул на угол стола.

— Поставь сюда. Что там?

Он начал развязывать ленту. Все молча окружили его. Когда бумага была сорвана, на столе среди посуды появилась двухпудовая гиря.

— Сэм! — Мальчоныш кинул ему на шею. — Спасибо, дружище!

Мама Мальчоныша, Светлана Васильевна, смеясь глазами, строго заметила:

— Надеюсь, она не простоят весь вечер на столе? К Мальчонышу подошла Жанка.

— Будь не только здоровым, но и красивым!

Она надела ему на шею галстук. Модный — широкий и яркий. Мы, парни, даже с завистью переглянулись.

Вернисанова вручила Мальчонышу красивые солнечные очки. Смущенно улыбаясь, Марина развернула свой пакет и протянула цветок в горшке.

— Читай Александра Ивановича, — с пафосом воскликнула Биль. Он подарил шеститомник Куприна.

— Держи! — Академик вручил кожаный бумажник и обложку для паспорта. — Если смотреть в корень, ты теперь дорос до нас!

Я подарил спальный мешок. От радости Мальчоныш ткнул меня носом в щеку.

— Ну и это держи! — Дипломат подал ему небольшой сверток.

Мальчионьши развернул. Это была... пилотка. Самая настоящая, со звездочкой.

— Парни... Ребята... Я... — бормотая потрясенный Мальчионьши с охапкой подарков в руках. — Спасибо...

— Стоп! — вскричал Биль. — Еще не все! Прощайся с детством!

Жанка торжественно вытащила из сумочки пломбир и протянула Мальчионьши.

— Ешь! — приказал Биль.

Мальчионьши, смущенно улыбаясь, принял пакет мороженое. Все в комнате засмеялись и зааплодировали. Когда он уплел порцию, мы с шумом начали рассаживаться за столом.

Около меня сидела Жанка. Она еле простила меня за то, что я тогда проспал свидание.

— Какие вы все-таки счастливые! — тихо сказала Жанка.

— Почему? — удивился я.

— Ну, понимаешь, дружба у вас такая, что позавидовать можно!

Я покачал плечами.

— Обыкновенная дружба!

Не знаю почему, но при этих словах я вновь почувствовал беспокойство. Опять. Видно, я не избавлюсь от этого внутреннего скруежа, пока все не определится. В чем моя вина перед ними? Ну, я прогулял, падно! Но ведь я действительно там явление временное. Только на один месяц. Меня вообще можно не принимать в расчет. Ну, а если я был бы еще хильм или, скажем, сачком. Околачивался бы, и все. И тут меня пронзила мысль. Что они там говорили про сегодняшнюю ночь? Работать будут. Всей бригадой! Кроме меня...

— Уважаемый Ашот Андronович, — услышал я твердый голос Сэма. — Не уговаривайте, пожалуйста, нас. Ни капли!

— Но за здоровье вашего друга! — протянул обиженно Ашот Андronович.

— Причин всегда найдется предостаточно! — категорически отказался Сэм. — И все будут убедительны. А за здоровье Эдика мы с удовольствием поедим! — добавил Сэм с улыбкой, но твердо.

— Вот это подарочек! — повернулся Ашот Андronович к Светлане Васильевне и махнул рукой. — Ладно, чокайтесь бутербродами и салатами!

Он наполнил рюмки взрослым и поднялся.

— Друзья мои! Сегодня мы собрались отметить шестнадцатилетие Эдьки. Мне кажется, что если подвести итоги, с чем пришел Эдька к этому дню, то я, как отец, могу порадоваться. С хорошими итогами пришел он к этой дате. И самый важный из них — это умение найти себе настоящих друзей и быть верным им. Первый бокал предлагаю, конечно, за Эдьку, но и не только за него, а за настоящих друзей!

Мы еще долго сидели за столом. Много ели, смеялись. Все вспоминали различные смешные эпизоды из жизни Мальчионьши. Наконец выбрались из-за стола. Жанка потащила меня в комнату, из которой доносилась музыка. «Скоро они все явятся на работу», — пронеслось в голове. — А меня выставили, хоть и не хватает людей. А что, если...? — Но я быстро отогнал эту мысль.

— Дик, ты меня не слушаешь! — чуть обиженно дернула плечами Жанка, танцуя со мной.

Я даже не заметил, как пошел танцевать.

— Это от блаженства, Жан, мне уши заложило! — улыбнулся я.

— Я говорю, Дик, мои предки ушли в гости до утра, так что погуляем потом по улицам?

— Обязательно! — Я изобразил на лице беспечную улыбку, но получилась она невеселой.

Вскоре взрослые покинули комнату. Остались только мы для братья и сестры Мальчионьши.

Я подошел к Академику и официально сказал:

— Уважаемый Академик, позвольте мне устроить вам небольшой инфаркт и пригласить вашу даму на танец!

— Ты с ума сошел! — вскричал испуганный Академик и схватился обеими руками за плечо Марину.

Выражение лица у него было такое, словно инфаркт уже кружил над ними. Марина посмотрела на него и засмеялась.

— Я знала, что у тебя доброе сердце, но неужели оно такое больное? Пойдем, Дик...

Она взяла меня за руку.

— Ну, как жизнь? — спросил я ее, когда мы упали на середину комнаты.

— В порядке! — сказала она и посмотрела на меня.

Это было что-то новое. Теперь она смотрит прямо. Не стесняясь и не тушуясь.

— Ты помнишь, Дик, фильм «Доживем до понедельника»? — вдруг спросила Марина. — Помнишь, как парень в сознании написал: «Счастье — это когда тебя понимают». Колossalно, правда? Только я бы еще дописала фразу: «И когда ты кому-то нужна».

Музыка кончилась. Я проводил ее к Академику, который тут же вцепился в ее руку, кажется, навеки.

— Ну, как твое сердце? — улыбнулась она смущенно.

— Если смотреть в корень, — усмехнулся Академик, — его у меня нет. Оно выскочило.

Жанка хмуро смотрела на меня. Я подошел к ней.

— Дик, давай уйдем отсюда! — шепнула она.

— Да ты что, Жан, потанцуем еще!

Лицо ее потемнело.

— Тебе нравится?

— Очень! — спокойно сказал я.

— Ну и танцуй! — Она подплетела к Билю, который разговаривал с сестрой Мальчионьши, и потянула его за рукав. — Пригласи меня!

Она запрыгнула. Но меня это ничуть не тронуло. Я уставился на танцующих.

А что если все-таки пойти на завод сейчас?

Я незаметно вышел в коридор, куда перенесли телефон. Позвоню домой. Если будут отговаривать, не пойду. Трубку поднял Игорь.

— Понимаешь, мне на завод нужно!

— Куда? — не понял он.

— На завод. В ночную. Аварийная работа. Так что я приду утром.

— Интересно! — хмыкнуло в трубке. — А звонишь ты сейчас не с того ли завода?

— Если бы мне надо было остаться здесь, я бы сказал прямо! — чуть не закричал я.

— Ну падно, падно! — раздалось примирительно в трубке. — Утром так утром! Кстати, тебе тут какой-то Иван Семенович звонил... Он повесил трубку.

Кто звонил? Иван Семенович? Вот это номер!

В коридоре появился Мальчионьши и закричал:

— Дик, ну где ты! Идем петь, Биль уже гитару мучает!

— Мальчионьши, не обижайся, но мне надо идти.

— Куда? — огрызил он.

— Надо. Там бригада ночью будет.

— Да ты с ума сошел! — взвыл Мальчионьши. — Никогда я тебя не пущу!

— Не шуми! Мальчионьши, мне надо, понимаешь, очень надо к нему. Для меня надо...

Я выскоции на улицу. Сбежал вниз. На улице мне вдруг стало весело. Кончилась неизвестность. Есть определенное решение, и все к черту. Я иду туда, к бригаде. Я уже дошел до угла, когда услышал

сзади топот. Я оглянулся. Мальчины несся во весь дух.

— Ну ты и рашь. Как наскакидаренный! — Он подбежал ко мне, тяжело пыхая, и протянул пакет. — На, держи. Пригодится! Ну, я назад! Час!

Я развернул пакет. В нем лежало несколько бутербродов, кусок торта и пять конфет.

II

Kто не видел завод ночью, тот многое в жизни не знает. После шумного дневного гула сейчас здесь стоит удивительная тишина. Завод как бы отдохнул, набирается сил. Высокие мачты с грохочущими мощными прожекторами лютят яркий свет почти на всю территорию. Деревья, кусты, трава, кажется, покрыты серебром. Словно вся зелень выпилена из стекла и отполирована до блеска. Длинные здания цехов будто утопают в ночи, и только дежурное внутреннее освещение выхватывает темные контуры станков, механизмов, железа. Цеха не работают, и в воздухе висит опьяняющий аромат цветов да слышится жестяной шелест листьев на деревьях.

Чем ближе я подходил к участку, тем сильнее волновался. Что они скажут? С каждым шагом сердце стучало все громче. На участке никого не оказалось. Видно, все уже ушли в литечку. Я быстро переоделся и отправился к бригаде. У литечек я услышал голоса, звон железа и от волнения даже сбавил шаг. Затем собрался с духом, вошел и остановился под наставом. Отсюда меня никто не мог заметить, хотя я видел всех. Но стоило мне сейчас сделать шаг вперед, и я бы предстал перед ними. Бригада действительно вся в сбое. Даже Тахта зевался. Ремонтировали газораспределительный пункт.

Я сделал шаг вперед. Первым меня увидел Иван Семенович. Он приподнял брови, затем весело крикнул:

— Вот это гость!

Все оглянулись. Петрович бросил на пол ключ и насмешливо сказал:

— Значит, явился, вояна!

Бригада прекратила работу и подошла ко мне. Я не выдержал и опустил голову.

— А я считаю, что ему здесь делать нечего! — вдруг раздался твердый голос Бобчинского.

— Пусть идет баник! — поддержал его Добчинский.

— Правильно! — решительно сказал Игнат, вытирая руки ветошью. Еще не успел почувствовать рабочего пота, а уж готов смотреть на всех свысока. Я не буду с ним работать!

— Верно! — кивнула Тетя Петя.

До меня как издалека донесся голос Петровича:

— Понял, как оно оборачивается?! Да...

Я ждал, что хоть Иван Семенович заступится за меня. Ведь звонил же. Разыскивал. Но он молчал. Я вспомнил, как он однажды сказал: «Когда правильно говорят, я не вмешиваюсь».

Все разошлись по своим местам. Я чувствовал, что сейчас уйти — это значит окончательно порвать с ними. А я не хотел этого.

— Не пойду, и все! — крикнул я и уселся на какую-то железяку.

Все оглянулись, затем молча принялись за работу.

В ночной тишине каждый несильный стук инструмента звонко раздавался по всему цеху. Было уже давно за полночь, и бригада работала вовсю. Лю-

ди теперь не разговаривали друг с другом и, кажется, совсем забыли обо мне.

Я не знаю, сколько так просидел. Час, два, а может, и три. Меня уже начала окутывать теплая дрема, и, чтобы, не дай бог, не заснуть, я принял неизменно шевелить конечностями. Вроде бы зарядка про себя. Окна цеха слегка посветлели и напоминали стекла немытых бутылок из-под молока. Уже светало. Бригада заканчивала работу. Я заметил, что Иван Семенович несколько раз стрельнул взглядом в мою сторону. Потом он как-то искоса посмотрел на Петровича и выпрямился.

— Затягивай болты!

Я подумал, что он обращается не ко мне, и продолжал сидеть. Но он повернулся в мою сторону и крикнул восхитленно:

— Да ты что, заснул, что ли?

Я вскочил как ужаленный.

Развозили бригаду по домам на автобусе. Все быстро переоделись, наспех помылись и кинулись в машину. Я отправился пешком. Было стыдно ехать со всеми. Я уже дошел до проходной, когда сколо моя остановился автобус. Открылась дверца, и высыпалась голова Ивана Семеновича.

— Садись! — позвал он.

Наши взгляды встретились, и я опустил голову.

— Долго будешь задерживать нас? — крикнул он. — Нам отдохнуть надо!

Из автобуса послышался голос Игната:

— А может, он уже спит?

Я забрался в машину. Автобус рванулся. Все молчали: кто дремал, кто курил. Я сидел у окна и смотрел на улицу. Солнце уже забралось на крыши домов, и его лучи расплывались по проспектам и краинам уличкам. Но меня ничто не радовало. Автобус остановился. Подъехали к дому Васильевского.

— Эх, как, понимаешь, завалюсь сейчас дрыхнуть! — зевнул он.

— Давай, давай! — усмехнулся Игнат. — Только не проспи завтра на работу. Будить-то некому.

Автобус двинулся дальше. Хоть до дому еще несколько кварталов, но я решил сойти. Мне сиделось, как на раскаленных углях. Автобус остановился. Не глядя ни на кого, я прошел к выходу и, собираясь с духом, негромко спросил:

— Можно мне завтра выйти на участок? С вами... Все молчали. Только слышался гул мотора.

— А ты что, еще раз надумал прогулять? — наконец раздался голос Ивана Семеновича.

— Понравилось! — засмеялся Игнат.

— Шофер, поехали! — нетерпеливо крикнул Бобчинский. — Иначе от этого умника не отделась! Добчинский тут же добавил:

— И заснем от его дурацких вопросов!

Автобус промчался мимо, в окне я увидел смеющиеся лица.

Я медленно брел в сторону дома. Накануне помальчишески накамил этим людям. А за что я так на них? Что работают сантехниками и занимаются ерундовым делом? У меня просто недостаточно информации. Ведь про кого пишут книги, кинофильмы, пьесы? Про токаря, слесаря, сварщика, ну и еще фрезеровщика. А про сталеваров так даже целый спектакль идет. Это все правильно. Но ведь на заводе не только они работают. Я на практике убедился в этом. Сколько безвестных профессий существует здесь. Безвестных, но необходимых. Учма: электрики, компрессорщики, прачки; про таких я слышал, говорят — производители нематериальных ценностей. Конечно, про них не то что опыт-

ный журналист писать не будет, но и Биль откажется. А ведь они тоже завод. И сверлощик, который сверлит только дырки в деталях,— завод, и плотник, который заставляет меня забивать гвозди,— завод. И никто из них не размышляет высокопарно: мол, вот сегодня приду к времени план на сто десять процентов. Просто люди работают честно, любят свой завод, цех, товарищей. Я, конечно, могу после школы не идти на завод, но уважать людей надо.

Я свернул на свою улицу. Никого нет. Люди еще спят. Только у моего дома стоит какая-то фигура. Увидев меня, человек пошел навстречу. Я чуть напрягся. Когда мы сблизились, я вздрогнул и остановился. Это был Гер Герыч. «Зачем он здесь?»— мелькнула первая мысль. Учитель остановился, и мы долго смотрели друг на друга.

— Спать хочешь? — Он ткнул пальцем в центр спальни.

— Нет.

— Погуляем?

Мы двинулись медленно и молча. Гер Герыч шел, расстегнув пиджак и засунув руки в карманы брюк. Он то поднимал голову к небу, то оглядывал улицу.

— Хорошо-то как! — вздохнул он. — Тебе не кажется, что в такие ранние часы город становится продолжением природы? И людям не мешает изредка выбираться на рассвете на улицу.

Я понимал, что учитель ждал меня не для того, чтобы высказаться об утреннем городе.

— Герман Германович, а меня вчера из бригады выгнали! — сказал я тихо.

— Знаю! — спокойно кивнул учитель. — Еще вчера знал.

Я вытаращил глаза. Гер Герыч пнул камушек.

— Я все знаю. Все. И как ты прогулял смену, и даже знаю, где ты был! Все. Условимся, что ты меня не будешь спрашивать, откуда я знаю. Могу сказать только одно: я вас настолько уважаю, чтоб не шпионить. Ну, а что прогулял, знаешь, может, это не совсем педагогично, но, если честно, ничего страшного в этом не вижу. Наоборот, было бы куда хуже, если бы ты был ко всему безразличен. Нет, Дмитрий, не это страшно...

— А что?

— Что? — переспросил Гер Герыч, помолчал и затем заговорил: — Представь себе, Дмитрий, что во время войны ты со своим другом отправился в разведку за «языком». «Языка» нужен позарез — его ждут в штабе. Вы благополучно добрались до передних окопов противника, подкраулили зазевавшегося, скажем, связиста и сгребли его. Но тут поднялся шум, враг открыл пальбу, и твоего друга раннило. У самых передовых линий противника. И вот, Дмитрий, ты перед дилеммой, кого нести к своим: «языка» или друга, который, если оставишь, на девяносто пять процентов погибнет. Кого?

— Конечно, друга! — пожал я плечами.

— Почему? — повернулся ко мне учитель.

Я даже усмехнулся.

— Да как же, друг ведь! А «языка» еще можно добыть.

— А если нет? — остановился Гер Герыч. — А если, переполошившись, противник уже будет всю ночь начеку? А в штабе ждут «языка» для выяснения обстановки, отчего могут сохраниться сотни жизней наших людей! Как быть, Дмитрий? Понимаешь, Соколов, вот это в человеке есть самое страшное: когда он живет только своими чувствами и — прости, если будет немного грубо, — дальше своего носа ничего не видит. Вот что самое страшное я обнаружил в вас, ребятки.

— Но ведь мы всего на один месяц направляем! — чуть не закричал я.

— А хоть бы на день! — ткнул пальцем в центр спальни Гер Герыч. — Дело не в этом. Нужно уметь в маленьком видеть большое, и тогда жизнь наполнится интересом и смыслом. Знаешь, что удивляет человека на ногах? Чувство ответственности. Когда теряет это, он шлепается в грязь.

— Но что я такого сделал? — вспыхнул я. — Я честно работал, кажется, никто вам на меня нежаловался. Мне самому интересно узнать, что такое завод. Вот, знаете, везде шумят: «Ура рабочему человеку!», «Труд облагораживает» — все это я, конечно, выслушал. Но ведь вы сами говорите, это надо все понять. Я остановился и тихо сказал: — Ведь я же пришел ночью на завод, пришел...

Гер Герыч внимательно посмотрел на меня.

— Видишь ли, Дмитрий, если бы ты не пришел, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

12

3 а несколько дней кое-кто из парней успел выкинуть номерочки — в цирке не увидишь.

Первый номер был связан с авансом. Мы получили деньги и решили подновить катер, который сами сконструировали. Ведь до канникул осталось совсем мало времени.

Вообще вопрос о деньгах у нас никогда не возникал. Может, это оттого, что деньги нам не очень нужны, да и не умеем мы их тратить. На всякие бытовые мелочи мы, не раздумывая, берем друг у друга. Нередко случается, что мы, сидя в кино, покупаем одно мороженое на шестерых и в темноте пускаем его по рукам на один «лизок», пока оно все не сложится. Поэтому сейчас эти большие деньги просто развлекали всех, но не радовали наличием огромной суммы.

А утром перед работой, когда мы встретились у проходной, Академик вдруг внимателен оглядел нас и брякнул:

— А я, парни, в Москве был!

— В какой Москве? — спросил ошеломленный Дипломат.

Академик направил на него свои окуляры.

— В самой обыкновенной. В столице! Честное слово! Понимаете, когда я ушел от вас, позвонил Марине, тугли мы с ней по городу, болтали о жизни, фантазировали, смеялись. И знаете — что ни скажем, все дико смешным кажется. Потом она мне стихи читала, а я ей задачки по физике на ходу сочинял. В общем, не заметили, как до аэророма дотопали. Ну вот, решили на аэророме в кафе поужинать. Заглянули в западину. А народ там своим миром обосновался. Самолетов ждут. Такие блаженные, спокойные. Размечтался я, вот бы нам с Мариной сейчас улететь. Куда-нибудь. А она мне, смеясь: «Давай в Москву слетаем. Аванс в кармане. Я к расписанию. Обратный рейс через два часа. Полетели. Нет, в город мы не поехали, не успели бы, а вот во Внуково устроились. Затерялись среди пассажиров. Понимаете, мы ничего не говорили и не смеялись. А Марина как-то пристально посмотрела на меня и вдруг, парни, заплакала. Собственно, если смотреть в корень, мы привлекли ее в Москву, в друг к другу...»

Мы молчали. Волнение Академика передалось нам. Непонятная грусть вплотла в меня. Может, это зависть проклонулась. Но к чему? Что Академик был охвачен таким чувством, которое толкнуло его

улететь на два часа с девушкой? А может, что он летал именно с Мариной?

По цехам мы расходились притихшие. Обычно мы читали книжки про любовь или звали без меры друг другу про потрясающих девочонок, которые готовы ради нас на все, а тут увидели живую любовь.

На другой день сюрприз нам преподнес Дипломат. Это было в столовой. За длинным столом сидели Академик с Мариной, Биль с Жанной, Сэм с Вернисажевой, Дипломат и я с Мальчиони.

Я поймал на себе взгляд Жанны. Мы не виделись с того вечера, когда я убежал на завод. Она не подходила ко мне и даже не звонила. Я знал, что в тот вечер Биль провожал ее домой, и у них, кажется, завязывается роман. Она наконец растаяла перед его красноречием. Но мне почему-то совсем не жаль. Может, у нас с ней не было никаких чувств. Просто она самая красивая девушка в классе, и это тешило мое самолюбие. Не знаю.

Вчера Биль, расставаясь со мной, смущенно сказал:

— Дик, мы с тобой друзья! Но тут вмешиваются некоторые недоразумения...

Я еле сдерживая улыбку, слушал его.

— Просто противные недоразумения... — мямлялся он.

Я пришел к нему на помощь.

— Ладно, Биль! Я тебя поздравляю! Жанна отличная девушка...

Он посмотрел на меня.

— А ты не сердишься, Дик?

— Ну что ты! — улыбнулся я. — Наоборот, завидую!

— Тогда почему же ты...

— Биль, стоп! — прервал я его. — Мы просто с ней быстро устали друг от друга.

Жанна, увидев, что я смотрю на нее, демонстративно переложила Билю в тарелку половину своей котлеты. Биль взглянул на котлету, как на ананас. Я усмехнулся.

Мальчиони быстро умял свою порцию рыбы и мечтательно вздохнул:

— Нет, парни, а все-таки это не ресторан!

— Вот именно! — поднялся Академик. — И рассиживаться тут нечего. Поработали в столовой, пошли по цехам отдохнуть!

И вот тут Дипломат вдруг решительно воскликнул:

— Парни, стойте! Поговорить надо!

Лицо его было изволненным. Что еще случилось?

Девочки повернулись, чтобы отойти, но Академик удержал их.

— Сидите. Вы теперь почти наши! — улыбнулся Дипломат. Он оглядел всех и вздохнул. — Вот так, парни! Я остаюсь на заводе!

У меня перехватило дыхание.

— Но мы еще не собираемся домой! — неуверенно произнес Мальчиони.

— Я имею в виду — насовсем! — спокойно пояснил Дипломат.

Мы во все глаза смотрели на Дипломата, словно он нам показывал колоссальный фокус.

— А школа? — наконец вымолвил после паузы Академик.

— В вечернюю!

Биль с надеждой в голосе сказал:

— В шестнадцать лет на завод не принимают!

— С разрешения родителей можно! — отрезал Дипломат.

Видимо, он все уже заранее продумал. Мальчиони восхликал:

— Да тебя отец расстопчет!

Дипломат усмехнулся.

— Он уже знает и подписал заявление.

Сэм хмуро сказал:

— Значит, ты скрывал от нас? Вынашивал планы, а с нами не посоветовался?

Видно, Сэм угодил в самую точку, потому что Дипломат опустил голову.

— Нет, парни! Просто не хотел вас распространять! А потом... если вы скажете иначе... то я...

— Что ты будешь делать? — спросил я. — Подсобником?

— Почему же! — поднял голову Дипломат. — Выучусь. Я хочу работать на заводе. Понимаете, как бы вам это объяснить... Нравится мне здесь. Есть что-то такое... ну, нельзя это определить. Вот чем отличается рабочий от других людей? Уверенность. Честное слово. И ходят иначе, едят по-другому, смеются. Когда я смотрю на людей здесь, то мне кажется, они могут в жизни сделать все. И я хочу так...

— А как же институт международных отношений? — спросил Академик.

Дипломат поклонился.

— Пока никак!

— Да что вы его хороните! — вспыхнула Марина. — Может, это здорово, что он остается. И прав, что на заводе интересно и люди здесь хорошие. А институт от него не уйдет. Даже еще лучше! Молодец, Дипломат!

— Хорошо, — решил мрачно Биль. — Поговорим, ребята, дома!

После обеда я работал с Иваном Семеновичем. Никто из бригады за эти дни ночной инцидент мне не напоминал. Даже мастер Петрович молчал, и только холодные глаза, какими он смотрел на меня, подсказывали, что он ничего не забыл.

Работал я с Иваном Семеновичем молча, переваривая сообщение Дипломата. Казалось, что мы никогда в жизни не расстанемсяся. Конечно, даже если ребята разлетятся в разные стороны, наша дружба не порвется. Но все-таки расставаться мы должны были потом, когда-нибудь, а сейчас никто не думал об этом. И вот Дипломат словно разбудил нас.

Я циркулем размечал на фланцах отверстия, кернил и передавал их Ивану Семеновичу, а он сверлил.

Видимо, Иван Семенович уловил, что у меня не важное настроение. Он изредка бросал на меня пристальный взгляд. Но вот он выключил станок, дотронулся до сверла и живнул.

— Горячее!

Затем попил газировки, закурил и опустился на скамейку у верстака.

— А что, Димка, тебе уходить с завода не жаль? — весело поинтересовался он.

Я хмуро сказал:

— Привык, конечно!

— Привык! — передразнил он. — И ничто не привлечет здесь?

— Столовая ничего!

Иван Семенович захохотал.

— Ах ты, обнора! Да ты, брат, ступай поваром учиться!

Я улыбнулся.

— Нет, тогда уж лучше клиентом!

— Ловкую профессию выбрали! — лукаво бросил Иван Семенович и уже серьезно заговорил: — Нет, Димка, не дай бог такую профессию — клиент. Кто для жертвы живет, тому и скучно на свете, недолен всем, злопыхает, соплей исходит. Вот я гла-

жу на вашего брата — молодежь, и кажется, есть в вас кость, есть. Не из хрюща вы! И черт с вами, что на гитарах мукаете до одурения или там космы пораспускаете — вспотеешь смотреть. Да что там, у меня самого сын, старше тебя, правда, в армии сейчас. Так перед призывом ходил — я даже жмурился. Штаны — как парус, рубашка — за километр видна. Одна мысль у меня в голове бродила: скорей бы забрели! Ну и что? Забрели. В отпуск приехал, красавец красавцем, и медаль на груди: нарушителя скрутил. Ну, и как приехал, сразу за штаны свои, рубашку, гитару на плечи — и к друзьям. Так десять дней и промяукан. А уезжать собрался — гимнастерку расправил, медалью тряхнул и командует: «За штанами, батька, приглядывай, как я за нашей границей!»

— А закончит службу, на завод пойдет? — Я с интересом посмотрел на него.

— Конечно, на завод! — уверенно ответил Иван Семенович. — И учиться будет. В институте или в техникуме...

Когда я появился на проходной, почти все уже собрались.

Лица у моих парней были хмурые и мрачные. Никто не шутил. Видимо, сообщение Дипломата придавило всех.

Гер Герыч несколько раз бросал на нас удивленный взгляд.

...А на другой день, только класс с шумом высыпал из проходной, учитель негромко сказал мне:

— Проводите меня вашим кланом до дома! Хорошо?

У своего дома учитель остановился и сказал:

— Так! Пошли ко мне! Я вас долго не задержну. Мы молча последовали за Гер Герычем.

Квартира его так и не была обставлена. Только в первой комнате стоял красивый диван; и в углу, как мы советовали, журнальный столик да два кресла.

— Садитесь все! — пригласил учитель, располагаясь в кресле.

Мы робко, все шестеро, опустились на диван. Гер Герыч чуть улыбнулся и вдруг обратился к Мальчионышу:

— Караван, ты рассказал друзьям, где вчера был?

Мальчиониш испуганно вскочил, покраснел и, явно удивленный, пробормотал:

— Нет еще! А вы откуда...

— Я все знаю, — лукаво перебил его Гер Герыч. — Я уже одному из вас объяснял, что я не шпионю. Просто учитель остается учителем и после звонка. А в ресторане я тебя видел, потому что сам был там!

Мальчиониш повернулся к нам и глухо произнес:

— Я без вас ходил. Вечером. С Ириной. Я собираюсь сегодня рассказать вам!

Мы вытаращили глаза. Еще один сюрприз! Теперь от Мальчионыша! Вот это номерочек. Ай да Мальчиониш. Ходил в ресторан. И с кем?! С Ириной! Рехнуться можно!

— Мне бы хотелось, Эдуард, — негромко сказал Гер Герыч, — чтоб ты не рассматривал нашу беседу как топтание сапогом белых тапочек. Считай, что эта беседа между друзьями. Надеюсь, ты не будешь возражать, что я тебе друг?! Ты давно с ней встречаешься?

— Нет! — гордо сказал Мальчиониш. — Первый раз. Но я люблю ее!

Мы ахнули. В комнате повисла тишина. Наконец Гер Герыч кивнул:

— Верно. Ее нельзя не любить. Она славная женщина. Красивая, веселая, добрая и работник отменный. Только...

— Старше, да? — с вызовом бросил Мальчиониш. — А мне все равно!

— Но сколько времени ты ее знаешь? Две-три недели? Месяц?

Бильярд вмешался:

— А может, это любовь с первого взгляда!

— Может! — согласился Гер Герыч. — Только, мне кажется, здесь не то чувство!

— Почему? — обиженно крикнул Мальчиониш.

— Да потому что так не любят! — Гер Герыч резко встал и заходил по комнате. — Нет. Любовь это не сумасбродство чувств, а прекрасная гармония! Что ты можешь дать ей своей любовью? Что? Даже если она ответит взаимностью. Одни страдания. Тебе учиться еще и учиться! А ей жизни устроить. Нет, не любишь, обманываешь. Ведь ты же знаешь, Эдуард, что вы не пара, а если ты по-настоящему ее любишь, сделай все, чтоб ей было хорошо. Уйди в сторону, любить надо красиво. Ирина стоит того. — Гер Герыч замолчал и вдруг, повернувшись к Дипломату, покачал головой. — А вот в тебе я ошибся!

Дипломат покраснел и вскочил.

— Да сиди, сиди! — замахал руками Гер Герыч. — Ведь не на уроке же мы! Ну, почему у тебя такое явное противоречие между поступками и целью в жизни?

— Как? — пробормотал Дипломат.

— Да так! Вот ты надумал стать рабочим. Замечательно! И я обеими руками «за». Это решение сильного молодого человека. Ты написал заявление, даже отец подписал. Но тебе отказали. Не буду скрывать — по моей просьбе. Бросить десятый класс и уйти на завод, извини меня, не умно! Сейчас производству нужны люди со средним образованием. Нечему на современном заводе останутся за бортом, будут выполнять самую черную работу. А затем и такой работы не станет. Физика, математика, черчение, химия — вот инструменты современного рабочего!

— Я в вечернюю школу пойду! — вспыхнул Дипломат.

— Конечно! Я ждал такого ответа! — усмехнулся Гер Герыч. — Ну, а зачем тебе это? Почему ты не можешь, как все, закончить десятилетку, и потом ступай на здоровье. Честь и хвала тебе. Какая необходимость усложнять жизнь?

— Я уже все продумал! — упрямо сказал Дипломат. — Мне нравится работать на заводе. И я буду работать!

Гер Герыч внимательно посмотрел на него и вздохнул:

— Ну, хорошо! Я договорился с отделом кадров, они тебя оформят на лето. Переработаешь, тогда и решим! — Гер Герыч опустился в кресло и с легкой улыбкой сказал: — Вот назвал я вас взрослыми людьми, а сам думаю: взрослые-то вы взрослые, но сколько еще детства в вас сидит... Ну, да ладно! Поговорим лучше на более веселую тему. Нашему классу поручено ответственное и почетное дело: дежурство в дружине.

Мы переглянулись.

Для полного счастья нам в жизни только этого не хватало.

— Кто поручил? — насторожился Академик.

— Если честно, я сам ходил в комитет комсомола завода и просил, чтоб нам дали какое-нибудь задание, — спокойно сказал Гер Герыч. — Работать на заводе — это не только стоять у станка и гнать план. В конце концов врач тоже перевыполняет норму. Вот я и подумал, мы должны хотя бы подежурить. Поймаем такого преступника, чтобы нам позавидовал сам комиссар Мегрэ!

III таб дружинны находился в центре города. Нас встретил Гер Герыч, старший лейтенант и девушка Люсия, секретаря комсомольской организации завода. При виде ее у меня все внутри замерло. Это была девушка, на которую мы с Васильевским налетели в женском туалете. Она меня тоже узнала, потому что улыбнулась, как старому знакомому. Мне захотелось мгновенно умереть.

— Товарищ старший лейтенант, — хитро спросил Биль. — А оружие нам дадут?

— Так оно у вас есть! — лукаво ответил он. — Голова и руки! Или я ошибся?

Мы заулыбались.

Вскоре подошли и остальные. В штабе набилось полно народа. Вытащили из других комнат скамейки, расселись, и старший лейтенант обратился к нам:

— Ребята, я не хочу проводить долгий инструктаж. Думаю, вам и так все ясно. Вы получите маршруты, на которых надо будет дежурить. Ни малейшее нарушение общественного порядка не должно оставаться без вашего внимания. Любые замечания, ответ, задержания должны исполняться в предельно вежливой форме. И учтите, ребята, хулиган — это в первую очередь трус.

Нам выдали повязки, разбили по группам, и мы отправились. Наша группа, конечно, состояла из шести парней. Гер Герыч назначил старшим меня.

Был шестой час вечера, и народу в городе полно. Странно ходить по улице с повязкой дружинника. Все время кажется, что люди, проходя мимо, косятся на тебя. И даже обходят стороной, словно ты хулиган. Однако мои парни ни на что не обращали внимания. Наоборот, шагали медленно и грозно. Особенно бдительным выглядел Мальчоныш. Он шел чуть впереди и зорко посматривал во все стороны, будто выискивал добычу.

— Мальчоныш, улыбнись, а то людей пугаешь! — бросил я.

— Тихо, Дик! — поднял руку Сэм. — Мальчоныш взял след!

Мы засмеялись. Проходившие мимо парень с девушкой удивленно глянули на нас. Мальчоныш вдруг восхлинил:

— Парни, вы посмотрите!

Наастрачу нам шли два шкета, лет по двенадцать, с сигаретами в зубах. Мы остановились.

— Ну-ка, идите сюда! — строго позвал я их.

Оба пацана на миг растерялись, затем быстро сунули горящие сигареты в карман и подошли.

— Чего? — хмуро спросил один.

Я открыл рот, но Биль незаметно толкнул меня.

— Здравствуйте, ребята! — сказал он приветливо. — Как вас зовут?

— Борька! — быстро ответил один.

— Толик! — бросил другой.

— Значит, одного зовут Боря, а другого Толик! — Биль многозначительно посмотрел на нас.

Мы поняли его и еле сдержали улыбки.

— А почему вы гуляетете по улицам? — пасково, но медленно спросил Биль. — Вы что, не едете в пионерский лагерь?

— Нет! — ответил Борька, переминаясь с ноги на ногу и кося глазом на карман.

— А напрасно! — вздохнула лениво Биль. — Это же так здорово! Представляете, свежий воздух, речка, спорт...

Толику, видимо, припекло в кармане, потому что он начал дергать ногой и вдруг неестественно громко крикнул:

— Поедем!

Затопал ногой и Борька. Но Биль, словно не замечая их ляганий, продолжал:

— Вот молодцы, что поедете! Чем просто ходить летом в жару, когда солнце жжет так, что все тело горит...

Оба мальчишки, не выдержав, энергично затанцевали, выкрикивая:

— Поедем!

— Поедем!

Из карманов потянулся дым. Сэм и Академик в один миг рванулись к ребятам и, ловко вывернув карманы, начали гасить тлеющую матерью. Борька и Толик завопили. Вокруг собрался народ. Со всех сторон понеслось:

— Что случилось?

— Говорят, пожар!

— Детей жгут!

— Это от сигарет, наверное!

Борька и Толик завопили еще громче. Мы растолкали толпу и увели мальчишку за угол.

— А ну, перестать выть! — строго сказал Сэм. — Давайте сюда сигареты!

Борька протянул пачку «Примы».

— Где деньги взяли на сигареты? — нахмурился я.

— Мамка дала на мороженое, — шмыгая носом, ответил Толик.

— А ведь молодцы! — заметил Биль. — Так долго терпели сигарету в кармане. Есть, значит, в вас сила. Да с такой силой вам лучше спортом заниматься, футболом, хоккеем. Только вы никогда не станете спортсменами, потому что хурите. Ступайте домой!

— Спасибо! — обрадовался Борька и побежал.

Толик рванул за ним, но тут же вернулся.

— Возьмите и спички! — кинул он нам коробок и через секунду исчез.

Мы отправились дальше.

Собственно говоря, сегодня первый день, как мы успокоились после того разговора с Гер Герычем. Все эти дни мы спорили до хрипоты. Больше всех досталось Мальчонышу. И даже не так за любовь к Ирине — тут-то его поддержали Академик и Биль. Одним монологом часа на полтора Биль разгромил нас, да и Мальчоныш выдвинул убийственный довод.

— Ну, хотите, я женюсь на ней! — заявил он.

Первым пришел в себя Сэм. Он нерешительно сказал:

— Вообще-то особого желания у нас нет!

— Испугались? — презрительно произнес Мальчоныш.

— Да, конечно, — согласился Биль и простодушно спросил: — А она согласна?

— Не знаю! — легко пожал плечами Мальчоныш. — Это не важно! Главное в таких делах — мужское начало.

Но больше всего Мальчонышу досталось за то, что он скрывал все от нас. Свои чувства и ресторан. Академик правильно сказал:

— От друзей не должно быть секретов, любая мелкая тайна отделяет, делает ненискренним.

Гер Герыч не перевел Мальчоныша с участка цепей. Мы долго ломали голову: почему? Вариантов предложено было много, но ни один окончательно не подходил. Во всяком случае, Мальчоныш был здорово благодарен учителю.

А сегодня, захваченные дежурством, шагая по проспекту и зорко глядя по сторонам, мы беспокоились только об одном: поймать бы ультрапреступника. Как сказал Гер Герыч, такого, чтобы сам комиссар Мегрэ ахнул.

— Парни! — вдруг жалобно предложил Академик, когда мы дошли до конца нашего маршрута и увердились, что ультрапреступником пока не пахнет.

Потопали в штаб. Ведь нам разрешено наведываться туда через каждый час!

— Верно! — оживился Биль. — Доложим о двух задержанных нарушителях!

Марина и Жанна остались в штабе, и намерения наших донжуанов сразу стали ясными.

В штабе народу было немного. Люсик о чем-то беседовала с Гер Герычом, Марина и Жанна заполняли журналы, а дежурная группа «базарила» в соседней комнате.

— Ну, как дела, Соколов? — спросил Гер Герыч.

— Нормально! — ответил я.

— Пацаны курили! — сообщил радостно Мальчоныш. — Сами ростом меньше сигареты, а дым даже из ушей валил!

Учителя и Люсик улыбнулись.

— Что же вы сделали? — спросил Гер Герыч.

— А ничего! — махнул рукой Мальчоныш. — Перекрыли все дырки, из которых шел дым, — и порядок!

За дверью послышался шум. В штаб ввалилась группа Саньки Рюмова. Впереди растерянно шли парень с девушкой.

— Нарушали общественный порядок! — доложил Рюмов. — Целовались. Два раза. На улице.

Люсик повернулась к задержанным и строго спросила:

— Целовались?

Они виновато смотрели на нее.

— Что же вы молчите?

— Целовались, целовались! — подхватил Рюмов. — У меня даже свидетельница есть. Домашний адрес, номер паспорта!

— Так что ж, значит, нарушили общественный порядок? — допытывалась Люсик.

— Было дело! — наконец выдавил парень.

— Значит, было! — повторила Люсик. — А давно встречаетесь?

— Порядком! — буркнул задержанный.

— Двадцать семь дней! — дрожащим голосом вставила девушка. — Причем каждый день!

— Ищи ты! — удивленно покачала головой Люсик, грустно улыбнувшись. — То ли дело — спрятаться в парном, а? Или хотя бы дождаться темноты... — Она помяла и добавила: — Ступайте! И не нарушайте больше!

Парень с девушкой ушли.

Люсик повернулась к Рюмову и пристально посмотрела на него.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать! — буркнул он.

— А мне показалось, восемьдесят! — каннула головой Люсик. — Впрочем, этого не объяснишь! Ну, сделай ты им замечание, но не порть настроения!

— Может, пойдем? — позвал я парней.

Мы вышли.

— Молодец эта Люсик! — восхищенно восхлипнул Биль.

Наступили сумерки, и работы прибавилось. А может, мы уже привыкли и стали обращать внимание на мелочи, мимо которых обычно проходили равнодушно. Правда, мы не стремились вести провинившихся в штаб — нам было приятнее поддерживать порядок, чем повышать процент задержаний.

На крыльце дома четыре парня под гитару старательно перезирали Высоцкого. Мы немного послушали их нытье, и Биль не выдержал.

— Я сейчас всех врестую! — сердито пробормотал он. — Врут Высоцкого! На пятнадцать суток бы их!

...Уже совсем стемнело, когда мы вернулись к штабу. В дверях столкнулись с Гер Герычом.

— Хорошо, что вы пришли! Ну-ка идемте со мной!

Мы отправились. Шли быстро. Гер Герыч на ходу объяснял:

— Какой-то пьяный хулиган жену бьет. — Он помолчал, затем зло добавил: — Ненавижу таких. Соседка звонила, чтоб быстрее шли.

— В милицию отправить! — строго сказал Мальчоныш.

Хулиган жил через две улицы от штаба, и последние метры мы почти бежали. Гер Герыч первым влез на третий этаж и позвонил. Открыл мальчик лет восьми. Увидев нас, зашмыгнул носом и пролепетал:

— Идите скорее!

Из комнаты доносился негромкий плач женщины и пьяный мужской крик: «Я тебе покажу!» Мы вошли в комнату и оцепенели. У окна, приложив к губам мокрую тряпку к крови, сидела наша учительница по математике Анна Андреевна. За столом в брюках и майке устроился Петрович. Наклонив голову, он стучал кулаком по колену и выкрикивал:

— Я тебе покажу!

Анна Андреевна сразу узнала нас. Глаза ее наполнились ужасом, и она с криком выбежала в другую комнату.

— Чего надо? — пьяно бросил нам Петрович, но, заметив, что нас много, вскочил и зарычал: — Кто пустил?

— Убью! — крикнул Сэм и с перекосявшимся от ярости лицом пошел на него.

Петрович попятился.

— Блин, стойте! — воскликнул Гер Герыч.

Он схватил Сэма за локти и с силой оттолкнул его. Петрович в это время пристально смотрел на меня и наконец узнал.

— А, и ты здесь! Вояка! — забормотал он. — Ну, еще бы. Магазин заколотил, теперь за меня призначаю.

Однако хмель из него явно выходил. Он посмотрел на парней, на Гер Герыча.

— Учителя! — Он указал на меня: — Ему ставь пятерку. Он меня не боится!

Гер Герыч взглянул на Петровича, ткнул пальцем в центр опправы и сказал:

— Вот что, ребята, подождите меня внизу!

— А как же... — Сэм кивнул на Петровича.

— Не бойтесь! Я из него... Подождите внизу!

Мы вышли. Молча уселись на крыльце и стали ждать.

— Сами виноваты! — наконец промолвил сердито Академик. — Только болтали. Надо было давно с ним разделаться!

Сэм скакал купаки.

— Ух, я бы его!

— Парни! — сказал я негромко. — Надо предложить Гер Герычу: мы здесь не были, ничего не знаем и не видели. Пусть поговорит с Анной Андреевной. А завтра возьмем Петровича за жабры!

Гер Герыча долго не было. Наконец он явился.

— Ждете? — спокойно спросил он. — Спать лег. Протрезвел, как увидел тебя, Соколов! — полуслух добавил он. Потом негромко сказал: — Вот что, ребята, пусть это останется нашей с вами тайной. Договорились?

— Вы о чём, Герман Германович? — спросил Дипломат.

— О визите!

— Какой визит, Герман Германович? Не знаем ничего!

— Я так и сказал Анне Андреевне.

Мы опять замолчали. На душе было — словно мы упустили преступника, за которым столько лет гонялся комиссар Мегрэ.

Ну, вот и все! Сегодня последний день. Впереди солнце, свобода и узаконенное тунеядство. Но мне почему-то грустно. Словно выучил урок — и не вызвали. Неужели жалко расставаться с заводом?! Ведь совсем еще недавно мечтал об этом, считал дни, а теперь... Нет, разумеется, отдохнуть — это хорошо. Почернеть на солнце, проковырять мозги — превратиться в дитя природы. Хотя вполне понятно, почему жаль расставаться с заводом. Да, привык. Да, нравится. Кстати, теперь мне выражение «рабочий класс» кажется очень близким. Теперь у меня это понятие связано со знакомыми именами: Иван Семенович, Игнат, Васильевский, Тахта, Люсик, Бобчинский с Добчинским, тот неизвестный рабочий, который научил меня дыры пробивать. Да что там, целый завод! И не только завод. Сегодня утром, за завтраком, Игорь, взглянув на меня, сухо спросил:

— Ну что, значит, все?

— Что ты имеешь в виду? — поднял я на него глаза.

— Завод! — пожал он плечами.

— Да!

— И не жалко расставаться? — спросил он строго.

— Почему же! Есть немного.

— К заводу быстро привыкаешь! — задохнула Вера. — Если нравится работа, конечно!

— Если не нравится, так и министром скучно быть! — хмуро бросил Игорь и жирно спросил меня: — А что, Димка, ты когда-то спрашивал: «Не скучно тебе все о заводе и заведе?» Ну, и как сам теперь думаешь?

— Вроде не скучно, только если все пойдут на завод рабочими, кто же, например, инженером будет?

— А никто! — как бы обрадовался моим словам Игорь. — Ведь работа на заводе с каждым днем усложняется. Станки, детали. Придет время, рабочие будут с образованием инженера.

— Ну, значит, они не будут называться рабочими!

— А как же?

Я пожал плечами.

— Не знаю! Придумают как-нибудь!

— Нет уж, позовольте! — Игорь отодвинул от себя чашку с кофе. — Ты что глупости несешь? Да как же это не называть рабочими, а? Да это же для нас вроде фамилий! Звание наше! Слышишь, мать, что твое чадо несет? Если хочешь знать, Димка, теперь Государственные премии, между прочим, присуждают не только выдающимся ученым, художникам, литераторам, но и нам, рабочим. Вот, значит, и среди нас объявился пурпур. Так что мы теперь получаемся: рабочий интеллигент. Понял, интеллигент-рабочий! Сыел?

По дороге на завод я все время думал над словами Игоря. Пожалуй, он прав. А когда я приблизился к проходной и слился с толпой рабочих, здоровался, перебрасываясь замечаниями, улыбался шуткам, вдруг почувствовал себя здесь беспомощным и слабым. И тут я понял. Кроме уважения и признания, у меня к нему еще и зависть.

Для родителей, быть может, я еще ребенок, для учителей — ученик, для каждого в отдельности я маленький. А для всех вместе, для общества я взрослый. Мы постоянно ищем себя. Только, может, ищем не там! Не в профессиях надо искать себя. А в людях. В них можно открыть себя, найти свою дорогу в жизнь.

Я помчался к себе на участок. Бригада как раз вся была в сборе. Кое-кто уже поднялся, чтобы идти на рабочее место.

Игнат, увидев меня, хмыкнул и демонстративно посмотрел на часы.

— Опаздываешь! — ехидно заметил он. — Придется тебе, Димка, за это со мной сегодня работать. На крыше варить будем!

Я задохнулся, помотал головой и обратился к Ивану Семеновичу:

— А я уже все!

— Что все? — недоумённо уставился он на меня.

— Отработал! Сегодня последний день.

— Вот как, а я забыл, что ты у нас гость! — Иван Семенович, улыбаясь, встал и протянул мне руку. — Ну, что ж, как говорится, будь здоров! Учись, не забывай завод, нас!

Он крепко пожал мою руку. Подошли все.

— Значит, сбегаешь? Жаль! Я бы из тебя такого сварщика сделал! — серьезно сказал Игнат и вдруг усмехнулся. — Сварщик бы ты получился мировой! Потому как вылечился от детской болезни!

— Учись, понимаешь, на пятерки с плюсом! — улыбнулся Васильевский.

— Нет, держи! — Иван Семенович протянул мне новый разводной ключ.

— Зачем? — спешил я.

— На память! Пригодится дома!

— Точно! — кивнул Васильевский. — Бери. Теперь тебе можно доверить инструмент!

Игнат подарил мне знакомый уже шлембург, и, конечно, оскалился на все тридцать два зуба.

— Держи! Для себя делай! Шлемпер!

Я стоял смущенный и взъерошенный. Хотелось произнести какую-то возвышенную речь. С воскликами. А пробормотал только:

— Спасибо! Честное слово, я не забуду завод и вас!

Я взглянул на крайний верстак, где сидел Петрович. Он не прощался со мной и даже не смотрел в мою сторону. Словно меня нет. Я понимаю, он здорово зол на меня. Бывший мастер Петрович. Мы с ним все-таки разделялись. Можно сказать, нокаутировали.

На другое утро после нашего дежурства, перед самым инструктажем, когда бригада уже вся собралась, на участке появился Петрович. Лицо его было опухшим, под глазами вспухли мешки. Игнат, сидевший рядом со мной, негромко сказал:

— Эх, как разнесло, беднягу! Словно побили человека!

Я вспомнил вчерашнюю сцену: пьяно бормочущего Петровича, несчастную Анну Андреевну с косовым платком в крови, испуганного мальчика в дворах, и сердито заметил:

— Не мешало бы!

Игнат удивленно взглянул на меня.

— Ты чего такой бойкий?

— Да ладно! — отмахнулся я.

Тут открылась дверь, и на участке показался Гер Герыч и моя парни. В их лицах было что-то строгое и решительное. Парни взглядами отыскали меня и приблизились.

Петрович, увидев учителя и парней, настороженно повернулся к Гер Герычу.

— В чем дело? — хмуро спросил он.

— Сейчас объясню! — кивнул Гер Герыч и повернулся к бригаде. — Мне бы хотелось, товарищи, отвлечь вас ненадолго и рассказать об одном из ваших коллег. Конечно, быть может, и не следует подрывать авторитет, только мне думается, что нельзя скрывать правды!

Петрович все понял. Он резко повернулся к Гер Герычу и чуть не закричал:

— Вы не имеете права! Кто вы такой? Я попрошу удалиться из помещения, подчиненного мне!

— Я коммунист! — кажется, впервые в жизни резко ответил наш Гер Герыч. — Имею такое же право вмешиваться в дела завода, как вы имеете право интересоваться школьными делами! А помещение у нас, товарищ Лычагин, вся страна. И этот завод, и моя квартира, и даже ваша, где вы ведете столь отвратительный образ жизни. Пьете, избиваете жену, мать ваших детей, женщину...

— Вы что, видели? — взорвался Петрович.

— Обожди, Петрович, — прервал его Иван Семенович. — Человек складно говорит. Ты послушай его...

Петрович обмяк, словно резиновая игрушка, из которой выпустили воздух.

— А ты, учитель, продолжай! — крикнул Игнат.

— Правильно! — подхватил Василевский. — Не дрейфь, понимаешь?

— Собственно, я уже все сказал! — пожал плечами Гер Герыч.

— Можно мне? — восхлипнул Академик, выходя чуть вперед.

Петрович вскинул голову.

— А это еще кто??

— Я! — повернулся к нему Академик. — Ученник Анны Андреевны! Вашей жены! Учителяницы, над которой вы издеваетесь! И мы... мы не позволим, чтоб вы мучили ее...

И тут меня сорвало с места. Я высокочил вперед и перебил Академика:

— Как человек может быть таким хамелеоном? На работе — один, дома — другой! Получается, что вы, Петрович, везде играете. И дома и на работе! Так какое же ваше настоящее лицо? Там или здесь?..

Вот так всегда, хочется сказать много и веско, а как доберешься до слова, так несешь ахинею. Но тут меня отстранил Биль. Он медленно заговорил:

— Стыдно и больно смотреть, как на глазах опускается человек. Нет, не мы должны были говорить ему это. Вы нас заставили. Да, вы! Потому что вы молчите! Бояитесь: ведь он ваши мастер! Его жена с ужасом прислушивается к пьяным шагам мужа, сын дрожит при виде выпившего отца, а коллектив, которым он руководит, его слушает, уважает.

Биль замолчал. Речь его была не совсем складной, но подействовала. Ни участок стояла тишина. Неожиданно раздался твердый голос Василевского:

— Петрович, пиши, понимаешь, заявление!

— Верно! — поддержал Игнат. — Нам перед панками стыдно!

Петрович крикнул:

— Ну, уж это вы не имеете права!

— Право-то мы как-нибудь найдем! — поднялся Иван Семенович. — И ребята верно сказали, что мы с тобой много цацкаемся! Ведь ты же мастер! И с тебя двойной спрос! Только, думаю я, нет у тебя этого понимания, а значит, не можешь ты быть мастером, и все...

— Не вы меня ставили сюда! — обиженно сказал Петрович.

— Не мы ставили, но мы снимаем! Коллектив! — отрезал Иван Семенович. — И я думаю, товарищ Лычагин, вам лучше всего признать свои ошибки. — Он помолчал и уже мягче добавил: — Знаешь, Петрович, оставайся у нас в бригаде сантехником. Честное слово, тебе же лучше будет. И работа знакома и люди. А с руководством я сам все уложу... Спасибо, ребята, — повернулся он к нам.

...Я распрощался с бригадой и помчался на про-

ходную. Бежать было легко. Словно меня отпустили с контрольной.

Весь класс уже был в сборе. Лица у всех блаженные, веселые. Кто-то бодро объясняет вахтеру, что мы больше ходить на завод не будем. Чуть в стороны стояли мои парни. Взглянув на шлямбур и разводной ключ, они ехидно переглянулись...

— Подарили! — с гордостью сказал я.

— От радости, что избавились! — хмыкнул Биль.

Все засмеялись. И только Мальчоныш никак не прореагировал. Наши взгляды встретились. Он жалко улыбнулся и отвел глаза. И тут меня кольнуло: ведь он расстается не только с заводом, но и с Ириной. Ему, конечно, не до веселья.

— Эдвард... Эдик... — Я не знал, что сказать.

Парни, видимо, до моего прихода говорили с ним на эту тему, потому что Академик тут же подхватил:

— Дик, скажи ему, что он не должен так огорчаться. Если захочет, он сможет всегда ее увидеть.

— Конечно, Эдик! — убежденно восхлипнул я.

— Я понимаю, парни, понимаю, — торопливо зекивал он и виновато улыбнулся: — Знаете, какая она замечательная...

Из кабинета инспектора по кадрам выглянула Гер Герыч и позвал:

— Ребята, идите сюда!

И вот мы опять в кабинете «Требуется сказать». Он, как и в тот, первый раз, сидел, спонжив свои пухлые руки на столе. У окна стояла секретаря комитета комсомола Люсик. Она, улыбаясь, смотрела, как мы втискиваемся. Когда класс притих, инспектор по кадрам поднялся.

— Что ж, ребята, — сказал он многозначительно. — Вот и кончилась ваша практика. Поработали вы, требуется сказать, молодцом! Хорошо! Познакомились, значит, с заводом, рабочими, поняли, что такое и с чем это едет. И, наверное, уяснили себе, что рабочий — самая главная фигура в нашей стране, и вообще, требуется сказать, работать у нас интересно. Вот так, лохматые!

Мы зааплодировали. От души.

Инспектор по кадрам поднял руку, чтобы мы успокоились, а затем сказал:

— Слово предоставляется секретарю комсомольской организации Люсик Орловой!

— Да будет председательствовать! — бросила с усмешкой Люсик, помолчала секунду и заговорила: — Ну что, ребята? Спасибо вам за работу! Мы не расстаемся сегодня никогда. Завод шефствует над вашей школой, так что, думаю, мы еще не раз встретимся. И все-таки мне бы хотелось сказать вам, ребята, вот что. Дело совсем не в том, будете ли вы когда-то работать на заводе, в лаборатории или за письменным столом. Главное — это работать честно, по-настоящему, потому что ваш труд пойдет людям, обществу. Всем. И это можно понять лучше всего у нас, на заводе... Счастливо вам, ребята, отдохнуть летом.

Мы снова зааплодировали.

— Ребята, тихо! — крикнула она. — Комитет комсомола завода решил за хорошую работу предоставить вам неделю провести в нашем пляжном городке. — Люсик улыбнулась. — На берегу озера, пляжки, костер, подки. Месяц поработали, неделю отдохнуть...

Из проходной мы высыпали как обычно. Шумно и все вместе.

До свидания, завод. До свидания, открытая наша страна. Страна, в которой живут прекрасные, сильные люди.

и. Рига.